

ISSN 0202—151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1982

8

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

8

1982

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗНЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР К. П. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. Э. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

К 60-летию образования СССР

Б. Е. ПАТОН

В БРАТСКОЙ СЕМЬЕ НАРОДОВ СССР

Нерушимая дружба братских народов Страны Советов является могучей созидательной силой в построении коммунистического общества. Ярким примером этого могут служить достижения в экономике и культуре Советской Украины. За 60 лет в семье равноправных наций и народностей Украина превратилась в высокоразвитую индустриально-колхозную республику с передовой культурой и наукой. На ее территории сооружены крупные промышленные предприятия, мощные гидро-, тепло- и атомные электростанции, выросли новые города и поселки. Созданы современные отрасли промышленности, как авиационная, автомобильная, радиоэлектронная, станкостроительная и др. Наша республика стала одной из важнейших топливно-энергетических, металлургических и машиностроительных баз Советского Союза.

Значительно повысились благосостояние и культурный уровень трудящихся Украины. Сейчас в республике различными видами обучения охвачено свыше 18 млн. человек, из них в общеобразовательных школах учится 7,5 млн., в техникумах и вузах — около 1,7 млн. человек. В народное хозяйство только в 1981 г. направлено 388 тыс. специалистов.

Весомый вклад в единую советскую науку вносит растущая армия ученых Украины. Около 200 тыс. научных работников плодотворно трудятся в разветвленной сети научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, их филиалах и отделениях, высших учебных заведениях.

Крупнейшим научным центром республики является Академия наук УССР. В 78 ее научных учреждениях и 71 предприятии опытно-производственной базы работает свыше 80 тыс. человек, в том числе около 15 тыс. научных сотрудников, среди них — 359 академиков и членов-корреспондентов АН УССР, почти 9 тыс. докторов и кандидатов наук. АН УССР была создана в феврале 1919 г. Ее первым президентом был избран выдающийся ученый-геохимик, акад. В. И. Вернадский. АН УССР занимает ведущие позиции по многим направлениям современной науки как в СССР, так и в мире, играет значительную роль в развитии народного хозяйства и культуры страны.

Ученые АН УССР внесли весомый вклад в развитие отечественной и мировой науки. Фундаментальные исследования, проведенные здесь еще в 30-х годах, позволили впервые в СССР расщепить ядро атома лития, построить первый в стране ускоритель элементарных частиц, получить «тяжелую» воду.

В годы Великой Отечественной войны научные учреждения АН УССР осуществили важные работы оборонного характера: внедрили автоматическую сварку в танкостроении, разработали новые марки чугуна для изготовления снарядов и авиабомб, новые лечебные препараты и др.

В послевоенные годы АН УССР становится одним из ведущих научных центров страны. Значительно расширились ее связи с практи-

кой, увеличилась помощь народному хозяйству. Большое внимание уделяется внедрению научных достижений в практику. Заметные успехи достигнуты в совершенствовании планирования научных исследований, укреплении материальной базы АН УССР.

В составе Академии созданы новые научные учреждения для исследования фундаментальных проблем механики, кибернетики, физики, химии, биологии, общественных наук. Это позволило создать первую в Европе электронно-вычислительную машину, дать объяснение ряда явлений при делении атомного ядра, создать принципиально новые состояния веществ с заданными свойствами, научные предпосылки управления наследственностью и изменчивостью живых организмов.

В последнее время ученые Академии выполнили значительный объем исследований в области физики, особенно по таким направлениям, как теоретическая и ядерная физика, физика полупроводников, радиофизика и электроника и др. Наиболее значительными успехами отмечены работы по физике твердого тела, прежде всего в изучении спектрокопии неметаллических кристаллов.

Получили развитие фундаментальные исследования в области физики низких температур, результаты которых широко используются в энергетике, медицине, пищевой промышленности, для поисков полезных ископаемых.

Дальнейшее развитие науки о Земле имело важное значение для расширения минерально-сырьевой базы Советского Союза.

Академия наук УССР стала общепризнанным материаловедческим центром страны. Ее учеными внесен важный вклад в усовершенствование технологии получения и обработки металлов, создание методов их неразъемного соединения, теорию синтеза новых материалов, создание нового оборудования, приборов и инструментов, конструирование новых машин.

Выдающимися успехами отмечены работы по созданию новых сварочных процессов, совершенствованию методов дуговой сварки. Созданы и внедрены электрошлаковая сварка, методы электроннолучевой, аргонодуговой и микроплазменной сварки, сварки взрывом, микросварки. Исследования ученых в области электросварочной металлургии способствовали возникновению новой отрасли промышленности — специальной электрометаллургии.

Учеными Академии предложен высокопрочный чугуны с шаровидным графитом, получены новые виды жаро- и износостойких сталей и сплавов. Методами порошковой металлургии созданы необходимые для новой техники металлокерамические материалы, изучены их свойства применительно к разнообразным условиям эксплуатации.

В Академии наук УССР ведутся работы по совершенствованию технологии получения синтетических алмазов, других сверхтвердых материалов и созданию инструментов на их основе. Учеными Академии разработаны принципиально новые способы обработки металлов с использованием жидкости высокого давления, электрогидравлического эффекта и др.

Учеными-энергетиками Академии выполнены фундаментальные исследования вопросов теории переноса тепла и вещества, позволившие создать новое высококачественное энергетическое оборудование. В связи с ускоренным развитием атомной энергетики осуществлен большой комплекс работ по теплофизике атомных реакторов.

В области химических наук изучены закономерности изотопного обмена, реакционная способность различных классов соединений и механизмы многих реакций.

Проведена значительная работа по созданию новых видов катализаторов и способов их восстановления. Исследования по электрохимии солевых расплавов увенчались созданием учения об электродных потенциалах металлов в расплавленных средах, кинетике электронных процессов. Открытие явления переноса металла с катода на анод при

электролизе ионных расплавов дало возможность создать новую технологию рафинирования тяжелых металлов.

Исследования химии фосфор- и сероорганических соединений позволили создать новые противоопухолевые препараты, новые комплексообразователи для гидрометаллургии, модифицированные аэросилы. Синтезировано большое количество новых материалов с ценными свойствами, стимуляторов роста сельскохозяйственных культур и животных, созданы новые минеральные удобрения, гербициды, инсектициды и пестициды.

Ученые, постигая сущность явлений и процессов в живом организме, постоянно повышают роль биологии как теоретической основы медицины и сельского хозяйства. Ими выполнены важные исследования проблем мышечной деятельности и биохимии центральной нервной системы, внесен значительный вклад в изучение физиологии нервной деятельности, пищеварения и кровообращения, мембранной биологии.

Расширились исследования по молекулярной биологии и генетике. Имеются определенные успехи в изучении проблем онкологии и разработке новых методов диагностики и лечения злокачественных опухолей. Проведена большая работа по исследованию физиологии, анатомии и экологии растений, систематическому изучению растительного и животного мира Украины.

Ученые вносят весомый вклад в создание и внедрение новых высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур и высокопродуктивных пород животных, эффективных удобрений и средств защиты растений, улучшение кормовой базы животноводства. В государственное сортиспытание переданы новые сорта кормовых крестоцветных культур, клевера лугового, низкорослой формы яблони. Успешно прошел испытание новый сорт высокопродуктивной полукарликовой озимой пшеницы интенсивного типа «Киянка», семена которой уже переданы 80 хозяйствам 14 областей УССР. Создана радиационная технология предпрививочной обработки винограда, позволяющая перевести все виноградники республики на филлоксероустойчивые сорта. Разработаны технология переработки сахарной свеклы на сахаросодержащие порошки для использования в пищевой промышленности, эффективные технологические процессы и оборудование для сушки и гигротермической обработки льнотресты. Созданы системы азотного охлаждения для внутригородских и междугородных перевозок продуктов питания.

Значительные усилия ученых АН УССР направлены на дальнейшее повышение продуктивности животноводства на основе рекомендаций по наиболее рациональному использованию кормовой базы. Биохимики установили важные закономерности обмена веществ в живом организме, определили роль углекислоты, аммонийного азота, витаминов и микродобавок различных элементов в процессах биосинтеза аминокислот, изучили оптимальные условия для стимулирования этих процессов. Эти исследования послужили основой для создания высокоэффективных минерально-аммонийных премиксов, позволяющих на 20—30% повысить продуктивность крупного рогатого скота, овец, птиц и рыбы. В настоящее время на Украине и в Молдавии работают 34 комбикормовых завода и цеха по выпуску минерально-аммонийных премиксов.

Большое внимание уделяется вопросам защиты окружающей среды от загрязнения, рационального использования природных ресурсов. Деятельность ученых направлена на разработку средств и методов устранения и предупреждения возможных отрицательных последствий хозяйственной деятельности для окружающей среды. Первостепенное значение при этом придается созданию технологий, основанных на замкнутых циклах, с оборотным водоснабжением предприятий и максимальной утилизацией отходов.

Дальнейшее развитие в Академии наук УССР получили общественные науки. Ученые-обществоведы направляют свои усилия на обобщение практики коммунистического строительства в нашей стране, исследу-

дование закономерностей экономического, политического и культурного развития социалистического общества и перерастания его в коммунистическое.

Разрабатываются вопросы повышения эффективности общественного производства, совершенствования методов планирования народного хозяйства, экономического развития стран социалистического содружества.

Существенным вкладом в практику планирования и прогнозирования социально-экономического развития республики являются разработанные учеными АН УССР в координации со специалистами других министерств и ведомств «Комплексная программа научно-технического прогресса на перспективу по Украинской ССР» и «Схема развития и размещения производительных сил Украинской ССР» как составные элементы долгосрочного прогноза социально-экономического развития СССР. Особый упор сделан на прогнозирование научно-технического прогресса в базовых отраслях: топливно-энергетическом комплексе, металлургии, машиностроении, химии, транспорте и связи, а также в непродуцированной сфере. Выполненные прогнозы позволили выявить дефицитность некоторых материальных ресурсов, наметить основные темпы и пропорции развития отраслей народного хозяйства в системе единого народнохозяйственного комплекса страны. Оценка демографической ситуации и разработка балансов трудовых ресурсов по 394 городам УССР позволили плановым органам республики обосновать возможные источники рабочей силы и рационально размещать новые промышленные объекты.

Весомым результатом деятельности ученых-археологов явилось решение проблемы возникновения главного города Киевской Руси — Киева. Учеными сделан вывод об основании Киева 1500 лет назад. В связи с этой датой активно изучались материалы по истории Киевской Руси и ее столицы.

Осуществлено научное издание произведений классиков украинской литературы — Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинки, советских писателей; созданы и опубликованы труды по истории украинского языка и литературы; разработаны методологические вопросы литературоведения и искусствоведения.

Создано значительное количество словарей украинского языка, энциклопедий и справочников, изданы памятники письменности украинского народа. Важными событиями в культурной и общественной жизни республики стали выпуск «Украинской Советской Энциклопедии» в 17 томах, издание 8-томной «Истории Украинской ССР», «Истории городов и сел Украинской ССР» в 26 томах. Завершено издание первого в истории украинского народа толкового 11-томного «Словаря украинского языка».

Плодотворными для ученых АН УССР были годы X пятилетки. Результаты исследований позволили еще глубже изучить закономерности развития природы и общества, решать актуальные народнохозяйственные социальные проблемы. Укрепляя связи науки с производством, ученые АН УССР внедрили в народное хозяйство более 3000 работ с экономическим эффектом свыше 1,5 млрд. руб., что в полтора раза больше, чем в IX пятилетке. Убедительным подтверждением актуальности и практической ценности осуществленных разработок является получение в X пятилетке учеными АН УССР свыше 9 тыс. авторских свидетельств на изобретения и подписание более 40 контрактов и лицензионных соглашений.

Особенно большое внимание АН УССР уделяет повышению эффективности научных исследований и сокращению сроков внедрения их результатов в практику. Академия наук УССР во многих случаях была инициатором создания и развития новых форм соединения науки с производством. Совершенствуются методы планирования и организации исследований, повышается уровень комплексности проводимых работ,

расширяется участие АН УССР в выполнении научных и научно-технических программ, увеличивается вклад ученых в решение важных народнохозяйственных проблем, укрепляется опытно-производственная база Академии. Опыт АН УССР по повышению эффективности научных исследований и сокращению сроков внедрения их результатов в практику получил высокую оценку.

Выполняя указания партии о том, что практическое внедрение новых научных идей — сегодня такая же важная задача, как и их разработка, Академия наук УССР придает серьезное значение воплощению результатов глубокого научного поиска в крупных технологических решениях. Создание и внедрение в народное хозяйство, прежде всего в его ключевые отрасли, принципиально новых технологий является главным звеном научно-технического прогресса. Они позволяют значительно повысить производительность труда, обеспечить высокое качество и низкую себестоимость продукции. В результате целенаправленных усилий ученых АН УССР за последние годы создано свыше 350 технологий различного уровня и назначения, которые применяются на предприятиях черной металлургии, химической, судостроительной, авиационной, газовой, пищевой и других отраслей промышленности. Они внесли ощутимый вклад в повышение уровня механизации и автоматизации, качества и надежности выпускаемой продукции, снижение материало- и энергоемкости, улучшение условий труда и окружающей среды. Деятельность АН УССР по созданию на основе фундаментальных исследований новых прогрессивных технологий также получила высокую оценку.

Учреждения АН УССР размещены во многих городах Советской Украины. Они объединены в 6 научных центров АН УССР — Донецкий (г. Донецк), Западный (г. Львов), Южный (г. Одесса), Северо-Западный (г. Киев), Северо-Восточный (г. Харьков) и Приднепровский (г. Днепропетровск). В Киеве создан также Совет по координации работ в области научно-технического сотрудничества академических институтов и городских организаций. Научные центры АН УССР охватывают своим влиянием все области республики и являются по существу структурным звеном в системе управления научно-техническим прогрессом. Им отводится важное место в усилении межотраслевых, территориальных начал, в установлении оптимального сочетания этих начал с отраслевым управлением. В тесном взаимодействии с областными комитетами Компартии Украины научные центры формируют региональные комплексные планы развития науки и содействия научно-техническому прогрессу, мобилизуют имеющийся научный потенциал на их реализацию, решение актуальных для данного региона проблем.

За большие заслуги в развитии советской науки, экономики и культуры Академия наук УССР награждена орденами Ленина и Дружбы народов. Успехи ряда институтов АН УССР отмечены высокими правительственными наградами. Награждены орденами и медалями СССР, удостоены Ленинской и Государственных премий СССР и УССР и почетных званий многие ученые Академии.

Все эти достижения в значительной степени обусловлены творческим сотрудничеством научных учреждений АН УССР с учеными АН СССР и братских республик Страны Советов, в том числе УзССР.

Ученых АН УССР и коллективы научных учреждений, вузов и промышленных предприятий Советского Узбекистана объединяет многолетняя творческая дружба. Своими корнями она уходит в далекие и грозные годы Великой Отечественной войны. Именно тогда группа научных работников Института черной металлургии АН УССР разработала проект строительства первого в Узбекистане металлургического завода, работавшего на местном сырье.

Постоянные контакты и тесные научные связи ученых и специалистов Украины и Узбекистана разнообразны по форме и содержанию. Среди них можно отметить координацию научно-исследовательских ра-

бот, обмен научной литературой, систематическое участие в работе научных сессий и конференций, подготовку научных кадров и чтение в вузах курсов лекций, консультативную и практическую взаимопомощь в проведении исследований и внедрении их в жизнь.

Ученые Института геологических наук АН УССР со своими узбекскими коллегами провели экспедиционные работы по изучению стратиграфии и палеонтологии девона в районе Учкулач и опубликовали «Атлас органических остатков девонских отложений гор Ханбандытан». Украинские и узбекские ученые осуществили комплексные исследования и подготовили к печати коллективный труд по проблеме фотопроницаемости и люминесценции в полупроводниках.

Институт технической теплофизики АН УССР, Физико-технический институт АН УзССР при участии Бухарского госпединститута провели исследования, связанные с поиском путей использования нетрадиционных источников энергии. В частности, разработан уникальный бытовой адсорбционный холодильник, использующий солнечную энергию.

Большое внимание уделяется созданию новых материалов, повышению качества промышленной продукции. Так, на Ташкентском абразивном комбинате в 1981 г. сотрудники Института сверхтвердых материалов АН УССР внедрили технологический процесс нанесения композиционных стеклопокрытий на алмазные порошки, что обеспечило повышение стойкости изготовленного из них инструмента в 1,2—2 раза и экономический эффект в размере 10 млн. руб.

Плодотворные научные контакты поддерживают биологи обеих республик. Влияние антибиотиков на биологические показатели и продуктивность тутового шелкопряда изучают ученые Института микробиологии и вирусологии им. Д. К. Заболотного АН УССР, Института микробиологии АН УзССР и Среднеазиатского НИИ шелководства САО ВАСХНИЛ. Важные для клинической практики работы по изучению механизмов криповреждения эндокринных клеток и тканей проводят ученые Института проблем криобиологии и криомедицины АН УССР, Института биохимии АН УзССР и научно-исследовательских учреждений Минздрава Узбекистана. Широкий спектр вопросов, разрабатываемых Центральным республиканским ботаническим садом АН УССР и Центральным ботаническим садом АН УзССР. Здесь и научные исследования по проблеме «Интродукция и акклиматизация растений» с обменом интродукционных материалов, и сортоиспытание на сортоучастках Украины и Узбекистана, и изучение и внедрение в зеленое строительство нашей республики перспективных среднеазиатских декоративных видов и многое другое.

Интересны факты сотрудничества в области химико-технологических наук. Например, ученые Института органической химии АН УССР на Алмалыкском горнометаллургическом комбинате провели испытания перспективного и эффективного экстрагента меди. Институт химии высокомолекулярных соединений АН УССР, ВНИИССом и специалистами Ферганского завода фурановых соединений выполнена работа по созданию антикоррозионных полиуретановых эмалей. Эта работа внедрена на предприятиях судостроительной, химической, целлюлозно-бумажной промышленности и продовольственного машиностроения страны, в портах Украины.

Активно сотрудничают и ученые-обществоведы Украины и Узбекистана. Важным событием в их совместной работе станет запланированная на сентябрь 1982 г. в Киеве научная конференция по проблемам внедрения достижений общественных наук в практику идеологической, политико-воспитательной работы. В сентябре 1980 г. Институт экономики АН УССР и Институт экономики АН УзССР заключили договор о творческом содружестве на 1981—1985 гг. Он предусматривает развитие творческих контактов между учеными двух институтов, обмен опытом организации и выполнения научных исследований, проведение совместных научных конференций и совещаний по актуальным проблемам эко-

номики развитого социализма, оказание помощи в подготовке высококвалифицированных кадров, подготовку и создание совместных научных трудов. В соответствии с договором уже начаты совместные исследования по проблемам: хозяйственный механизм и повышение эффективности общественного производства, темпы и пропорции воспроизводства, экономические проблемы управления научно-техническим прогрессом, демография и эффективное использование трудовых ресурсов, капитальные вложения, моделирование агропромышленных комплексов.

Так ученые Советской Украины в братском содружестве с учеными других союзных республик, выполняя исторические решения XXVI съезда КПСС, отдают свои силы, способности и таланты общему делу умножения материальных и духовных богатств великой страны социализма — Союза Советских Социалистических Республик.

У. САДЫКОВ

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ

(На материалах УзССР)

Союз ССР — это единое федеративное социалистическое государство, успешное развитие которого в целом, равно как и входящих в него союзных республик, во многом зависит от четкого разграничения союзной и республиканской компетенции и ее надлежащего конституционного урегулирования. «Под компетенцией государства, — отмечал М. А. Шафир, — следует понимать предметы его ведения (т. е. те или иные сферы общественной жизни и методы воздействия на эти сферы), а также конкретные полномочия, необходимые для реализации предметов ведения данного государства»¹. Исходя из этого, можно сформулировать и определение компетенции союзной республики как суверенного государства, входящего в состав СССР и являющегося субъектом социалистической федерации.

При характеристике компетенции союзной республики решающее значение имеет принципиально важное конституционное положение о том, что как Союз ССР в целом, так и все союзные республики обладают суверенитетом и суверенными правами. Всей своей мощью Союз ССР обеспечивает и охраняет суверенные права союзных республик. Суверенитет СССР и суверенитет республик не только не противостоят друг другу, а наоборот, находятся в тесном и гармоничном сочетании и единстве.

Под компетенцией союзных республик, очевидно, следует понимать:

- сферы общественной жизни, в которых осуществляется деятельность союзных республик;
- функции, которые союзные республики осуществляют применительно к той или иной форме;
- конкретные властные полномочия, необходимые для осуществления присущих им функций;
- указания на территориальные пределы действия компетенции, т. е. на территорию союзной республики, включая входящие в ее состав АССР (в Узбекской ССР — это Каракалпакская АССР).

Основы компетенции союзных республик закреплены в Конституции СССР — Основном Законе единого союзного многонационального государства и конституциях союзных республик. Конституция СССР и конституции республик исходят при этом из необходимости установления компетенции союзных республик с учетом как общегосударственных, так и республиканских интересов. Конституционные акты служат в данном случае правовыми источниками текущего законодательства о

¹ Шафир М. А. Компетенция СССР и союзной республики (Конституционные вопросы). М., 1968, с. 47.

компетенции союзных республик. Следовательно, нормативно-правовая база компетенции союзных республик и система ее регламентации достаточно широки. В соответствии с положением союзных республик в социалистической федерации, выделяются их компетенция в сферах совместной с Союзом ССР деятельности и исключительная компетенция союзных республик.

Конституционное закрепление компетенции союзной республики (как, естественно, и компетенции СССР) не остается застывшим, раз и навсегда данным. Оно изменяется как по своему содержанию, так и по форме на протяжении всего существования Советского союзного государства, исходя из крупных социальных и экономических процессов и перемен, происходящих во внутреннем развитии страны и ее международном положении.

Построение в СССР развитого социалистического общества, принятие новой Конституции СССР — Основного Закона социалистического общенародного государства — потребовали внесения определенных изменений и в компетенцию союзных республик.

Эти изменения полностью соответствуют важнейшим конституционным принципам разграничения компетенции СССР и союзных республик, к числу которых относятся: сочетание суверенитета СССР и союзных республик, демократический централизм и учет особенностей определенных отраслей законодательства и управления².

Расширение компетенции союзных республик в одних областях происходит одновременно с повышением роли Союза ССР в других областях, имеющих первостепенное значение для функционирования всего нашего союзного государства. Это полностью отвечает интересам правильного, оптимального сочетания общесоюзных и республиканских, интернациональных и национальных начал в организации хозяйственной, социальной и культурной жизни страны.

Новая Конституция СССР и конституции союзных республик, опираясь на предшествующий опыт конституционного регулирования компетенций СССР и союзных республик, сохраняя в этих вопросах необходимую преемственность, сделали здесь значительный шаг вперед.

Наряду с усилением союзных начал единого централизованного руководства в вопросах общесоюзного значения новые конституции обеспечивают достаточно широкий простор для активной, инициативной деятельности союзных республик, закрепив за ними широкий круг полномочий, особенно в области хозяйственного и культурного строительства.

Во-первых, в компетенцию Узбекской ССР, как и других союзных республик, включены совершенно новые сферы, о которых ранее в конституционном порядке даже не упоминалось, например развитие научно-технического прогресса, рациональное использование и охрана природных ресурсов и др. Это связано с современным уровнем развития страны, когда эти сферы приобрели особо важное значение и потому требуют специального указания на них в конституциях, привлекая к ним особое внимание. Во-вторых, многие положения, содержащиеся в Конституции и касающиеся компетенции союзной республики, сформулированы в более обобщенной форме; их содержание стало более емким. Это относится, в частности, к характеристике законодательных полномочий союзной республики, ее полномочий по руководству экономикой и социальным развитием, деятельностью в области международных отношений. В-третьих, вопросы обороны страны, руководство всеми Вооруженными Силами СССР, с учетом сложившейся практики, сейчас целиком отнесены Конституцией СССР к компетенции Союза ССР. Это полностью отвечает современным задачам по защите и охране суверенитета СССР, обеспечению поддержания Вооруженных Сил

² Шафир М. А. Указ. соч., с. 73.

СССР на должном высоком уровне и соответствует сложившейся практике организации управления в области обороны. В-четвертых, Конституция не ограничивает предметы ведения республики только тем, что указано в п. п. 1—15 ст. 74 Конституции Узбекской ССР. Она, в отличие от ранее действовавшей Конституции, содержит прямое указание (п. 16 ст. 74) на то, что в компетенцию республики входит и решение других вопросов республиканского значения. Это принципиально важное положение создает возможность самостоятельного проведения союзной республикой в рамках, определенных Конституцией СССР, соответствующих мероприятий, отражающих специфику условий данной союзной республики.

Рассмотрим теперь компетенцию Узбекской ССР с учетом ее подразделения на сферы совместной компетенции СССР и союзных республик и исключительной компетенции республики, как это уже не раз предлагалось в литературе³.

Сферы совместной компетенции Союза ССР и союзных республик охватывают такие отрасли законодательства и управления, где деятельность органов СССР осуществляется в постоянном и обязательном взаимодействии с органами союзных республик, причем взаимодействия это носит совершенно определенные, четко выраженные правовые и организационные формы. Здесь осуществляется повседневная, строго согласованная и регламентированная совместная деятельность органов Союза ССР и союзных республик. В частности, обеспечению должного сочетания ведущей роли централизованного планового руководства с инициативой союзных республик, согласованию общегосударственных интересов с интересами субъектов федеративного Советского государства служит вся система союзно-республиканских министерств, государственных комитетов и ведомств.

Совместная деятельность органов СССР и союзных республик в различных сферах законодательства и управления вовсе не означает параллелизма и дублирования, смещения полномочий Союза ССР и союзных республик. Наоборот, речь идет о достижении максимальной согласованности при сохранении преимущественной роли за союзными органами.

К отраслям государственного управления в данном случае применяется «двойное» подчинение республиканских органов, представляющее собой конкретное выражение ленинского принципа демократического централизма. В области законодательства — это принятие Союзом ССР основополагающих законодательных актов, а на их базе издание союзными республиками соответствующих кодексов или законов.

К сферам совместной компетенции СССР и союзных республик в лице их высших органов государственной власти и органов государственного управления относится, прежде всего, широкий круг полномочий по руководству народным хозяйством.

Здесь следует особо указать на государственное планирование, которое является всеобъемлющим принципом организации народного хозяйства и всей государственной деятельности в СССР. Его сущность состоит в том, что соответствующие органы СССР и союзных республик при активном участии коллективов трудящихся разрабатывают и утверждают систему взаимно согласованных планов экономического и социального развития, организуют их выполнение, осуществляют систематический учет и контроль и обеспечивают на этой основе единство действий всех работников общества в целях построения коммунизма.

В Конституции Узбекской ССР четко установлено, что экономика Узбекской ССР — составная часть единого народнохозяйственного комплекса, охватывающего все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны (ст. 16). Руководство эко-

³ См., напр.: Тургунбеков Р. Государственность и Конституция Советского Киргизстана. Фрунзе, 1980.

номикой осуществляется на основе государственных планов экономического и социального развития, с учетом отраслевого и территориального принципов, при сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций. При этом активно используются хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость, другие экономические рычаги и стимулы. Осуществление государственного планирования связано с обеспечением рационального размещения производства и планомерной разработкой природных богатств; совершенствованием разделения труда между союзными республиками, объединением и согласованием их трудовых усилий; правильным сочетанием интересов всего многонационального государства с интересами каждой союзной республики. Исключительно важен при этом комплексный подход к планированию и принятию решений по крупным народнохозяйственным проблемам. Исходя из конституционных положений и действующего законодательства, Узбекская ССР разрабатывает на основе Государственного плана экономического и социального развития СССР перспективные и текущие планы экономического и социального развития республики.

Республиканские органы составляют показатели комплексного развития народного хозяйства УзССР, плана развития хозяйства по отраслям республиканского и союзно-республиканского подчинения, республиканские целевые комплексные программы. Кроме того, республика представляет свои предложения по проектам планов предприятий, организаций и учреждений союзного подчинения, находящихся на территории республики.

Совет Министров УзССР и Госплан республики представляют свои предложения по разрабатываемым министерствами и ведомствами СССР схемам развития и размещения предприятий соответствующих отраслей промышленности, формированию и развитию территориально-производственных комплексов (ТПК), а также по заданиям на проектирование новых, реконструкцию и расширение действующих предприятий союзного подчинения, находящихся на территории республики, и т. д. Утверждение текущих и перспективных планов экономического и социального развития республики относится исключительно к компетенции Верховного Совета УзССР.

В Конституции Узбекской ССР содержатся важнейшие положения о порядке разработки, утверждения планов и осуществления контроля за их исполнением. Вместе с тем в настоящее время возникает необходимость в принятии специальных законодательных актов о планировании в республиках, на что уже не раз обращалось внимание в литературе⁴.

Значительные полномочия осуществляет Узбекская ССР в области материально-технического снабжения, а также народнохозяйственного учета. В частности, в Конституции Узбекской ССР специально указывается, что республика способствует осуществлению мер по организации единой системы статистики.

Согласно Конституции СССР, руководство кредитно-денежными отношениями относится к исключительно ведению СССР. Руководство же финансовой системой в целом осуществляется как органами СССР, так и органами союзных республик. Непосредственное руководство финансовой работой в республике осуществляет Министерство финансов Узбекской ССР⁵.

Что касается финансового законодательства, то при наличии важнейших общесоюзных актов союзные республики в то же время имеют свои законы о бюджетных правах. В частности, Закон о бюджетных правах Узбекской ССР, Каракалпакской АССР и местных Советов де-

⁴ См.: Новая Конституция СССР и управление народным хозяйством. Ташкент, 1979.

⁵ СП УзССР, 1969, № 5, ст. 44.

путатов трудящихся УзССР был принят Верховным Советом Узбекской ССР⁶.

Важнейшая область совместной деятельности Союза ССР и союзных республик — руководство промышленностью и строительством союзно-республиканского подчинения. В управлении промышленностью и строительством союзно-республиканского подчинения осуществляется согласованное и эффективное сотрудничество органов СССР и союзных республик⁷. При этом союзные республики вправе создавать вместо одноименного министерства или госкомитета любой другой орган (главное управление, объединение и т. д.) либо вовсе не создавать отраслевого органа управления. Естественно, что в осуществлении компетенции республик по управлению промышленностью и строительством многое зависит от конкретных особенностей отдельных отраслей.

Одну из важнейших отраслей народного хозяйства, снабжающую население продовольствием, а промышленность сырьем, представляет сельское хозяйство. Управление им также составляет сферу совместной компетенции СССР и Узбекской ССР. Повседневное руководство сельским хозяйством осуществляется Советом Министров СССР и Советом Министров УзССР, Министерством сельского хозяйства СССР и Министерством сельского хозяйства Узбекской ССР, а также целым рядом других союзно-республиканских министерств и государственных комитетов, связанных с осуществлением Продовольственной программы.

Всесторонняя совместная деятельность органов СССР и Узбекской ССР осуществляется по управлению сельским хозяйством в вопросах планирования, финансирования, материально-технического снабжения, капитального строительства, капиталовложений, семеноводства, воспитания и расстановки кадров, материального поощрения, проведения агротехнических мероприятий, оперативного руководства заготовками сельскохозяйственных продуктов и т. д. В частности, к ведению Узбекской ССР относятся организация выполнения общесоюзных и республиканских актов по вопросам развития сельского хозяйства, управление государственными сельскохозяйственными предприятиями и непосредственное руководство колхозами. Это позволяет охватить все основные стороны деятельности совхозов и колхозов, а также других сельскохозяйственных учреждений и организаций, имеющих в республике⁸.

В сельском хозяйстве Узбекской ССР главной отраслью является хлопководство — основное звено народнохозяйственного хлопкового комплекса. Осуществление комплексной программы производства и переработки хлопка обеспечивается в республике рядом министерств, ведомств и научно-исследовательских учреждений. Данную проблему решают Министерство сельского хозяйства, Министерство хлопкоочистительной промышленности, Министерство легкой промышленности Узбекской ССР, Центральный научно-исследовательский институт хлопковой промышленности и др.

В качестве самостоятельного союзно-республиканского органа, обеспечивающего снабжение предприятий сельского хозяйства техникой и минеральными удобрениями, организацию эксплуатации и ремонта сельскохозяйственной техники, подготовку и повышение квалификации механизаторов, выступает Государственный комитет Узбекской

⁶ «Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР», 1961. № 1, ст. 4.

⁷ См. подробнее: Досымбеков С. Н. Проблемы государственного управления промышленностью в союзной республике. М., 1974; Мирбабаев Б. Ш. Соотношение компетенции Союза ССР и союзной республики в области управления легкой промышленностью (По материалам Узбекской ССР). Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1976.

⁸ См.: Правовые проблемы руководства и управления сельским хозяйством в СССР. М., 1979.

СССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства⁹.

Руководство ирригационными работами и использованием имеющих поливных земель возложено на союзно-республиканское Министерство мелiorации и водного хозяйства. В 1981 г. создано Министерство плодоовощного хозяйства, призванное заниматься не только производством, но и транспортировкой, хранением и переработкой овощей и фруктов¹⁰.

Важным звеном экономической связи между городом и деревней, различными отраслями народного хозяйства и районами страны служит советская торговля. Ведущее место во внутренней торговле СССР занимает государственная торговля (около 70% всего розничного товарооборота). Кооперативная торговля, осуществляемая разветвленной сетью потребительской кооперации, обслуживает главным образом сельское население страны. Колхозная торговля обеспечивает реализацию излишков сельскохозяйственных продуктов, производимых колхозами и совхозами.

Руководство торговлей относится к сфере совместной компетенции СССР и Узбекской ССР, причем союзным органам — Совету Министров СССР, Госплану СССР и союзно-республиканскому Министерству торговли СССР — принадлежит здесь важная роль. В то же время союзная республика имеет достаточно широкие полномочия по руководству торговлей и общественным питанием и осуществляет непосредственное управление подчиненными ей предприятиями и организациями торговли через Министерство торговли Узбекской ССР и республиканскую потребкооперацию.

Как свидетельствуют сложившаяся практика развития законодательства и управления, а также имеющиеся в Конституции важнейшие положения, к исключительной компетенции Узбекской ССР в области экономики относится прежде всего управление республиканской промышленностью и строительством. Сюда входят местная, топливная промышленность, жилищно-гражданское строительство и др. Все предприятия промышленности и строительства республиканского значения находятся в ведении соответствующих республиканских министерств и ведомств. Согласно Конституции Узбекской ССР, республика осуществляет руководство объединениями и предприятиями республиканского подчинения.

В то же время имеется республиканское Министерство местной промышленности, которое осуществляет общее руководство этой отраслью. Непосредственное управление предприятиями местной промышленности осуществляется исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов через соответствующие управления и отделы исполкомов.

К исключительному ведению республики относится управление речным и автомобильным транспортом, а также определенной частью трубопроводного транспорта (республиканские нефте- и газопроводы).

Значительные полномочия имеет республика в области строительства, ремонта и эксплуатации дорог республиканского и местного значения. Здесь республиканские организации выполняют большие объемы работ.

Одной из наиболее децентрализованных отраслей народного хозяйства, управление и регулирование которой сосредоточены в ведении союзных республик, является жилищно-коммунальное хозяйство. Управление жилищно-коммунальным хозяйством, жилищным строительством и благоустройством городов и других населенных пунктов осуществляется Советом Министров Узбекской ССР и Министерством жилищно-коммунального хозяйства.

⁹ См.: СП УзССР, 1978, № 22, ст. 284.

¹⁰ СП УзССР, 1981, № 3, ст. 64.

В республике выполняется широкая программа развития жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства городов и населенных пунктов. Ныне в связи с принятием Основ жилищного законодательства СССР и союзных республик предстоит разработка и издание Жилищного кодекса Узбекской ССР. Таким образом, законодательство в данной сфере приобретает ярко выраженный союзно-республиканский характер.

К исключительной компетенции республики относится руководство бытовым обслуживанием населения. Служба быта сейчас превратилась в одну из крупных, технически оснащенных отраслей народного хозяйства. Центральным отраслевым органом в области управления службой быта выступает Министерство бытового обслуживания населения.

Значительное место в сфере совместной компетенции Союза ССР и союзных республик занимает социально-культурное строительство. Союз ССР и Узбекская ССР осуществляют широкую и разностороннюю деятельность в области руководства народным образованием, наукой, культурой, здравоохранением, физической культурой и спортом, а также социальным обеспечением.

Уже из этого перечня отраслей социально-культурного строительства, применительно к которым реализуется компетенция Союза ССР и УзССР, видно, какие большие и сложные задачи стоят в области законодательства и управления перед высшими органами государственной власти и управления республики, в процессе осуществления которых она тесно взаимодействует с союзными органами.

При этом Союз ССР, как и в других случаях, осуществляет общее руководство, под которым следует понимать установление основных направлений развития социально-культурного строительства, выработку единой социальной политики, определение важнейших принципов законодательства, разработку научно-организационных основ и осуществление контроля за деятельностью соответствующих союзных и республиканских органов управления.

Непосредственное же руководство, а также оперативное управление социально-культурным строительством осуществляют союзные республики в лице своих высших органов государственной власти и управления, а также республиканские отраслевые и функциональные органы управления, министерства, ведомства, государственные комитеты¹¹.

В решении многообразных задач социально-культурного строительства важное значение имеет учет местных, национальных особенностей, связанных с многонациональным составом и бытом населения республики и наличием в ее составе Каракалпакской АССР.

В соответствии с ленинской национальной политикой, в Узбекской ССР конституционно закреплена и реально обеспечена возможность пользования родным языком и языком других народов СССР. Вместе с тем последовательно осуществляются необходимые меры по изучению, наряду с родным языком, русского языка как важнейшего средства межнационального общения.

Согласно Конституции, Узбекская ССР в лице своих высших органов государственной власти и управления осуществляет руководство народным образованием, культурными и научными организациями и учреждениями республики, здравоохранением, физической культурой и спортом, социальным обеспечением, обеспечивает охрану памятников истории и культуры (п. 13 ст. 75). Совет Министров Узбекской ССР обеспечивает руководство социально-культурным строительством, разрабатывает и осуществляет меры по обеспечению роста культуры народа, развитию науки и техники, участвует в проведении единой политики в области социального обеспечения (п. 1 ст. 122 Конституции Узбекской ССР).

¹¹ См.: Управление социально-культурным строительством. М., 1980; Ахмедшаева А. Организация управления культурой в свете новой Конституции СССР.— «Общественные науки в Узбекистане», 1981, № 10.

Более полно соответствующие функции Совета Министров определены Законом о Совете Министров Узбекской ССР¹².

Для решения текущих задач социально-культурного строительства в республике действует разветвленная система союзно-республиканских и республиканских министерств и государственных комитетов, номенклатура которых определена Законом о Совете Министров Узбекской ССР. Это — министерства просвещения, высшего и среднего специального образования, культуры, здравоохранения, государственные комитеты по профессионально-техническому образованию, по телевидению и радиовещанию, по кинематографии, по делам издательств, полиграфии и книжной торговли; Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров Узбекской ССР, Министерство социального обеспечения и др.

Что касается законодательного регулирования в области социально-культурного строительства, то за последние годы, в соответствии с общесоюзными Основами законодательства о здравоохранении и народном образовании, в Узбекской ССР были приняты республиканские законы, конкретизировавшие нормы союзного законодательства применительно к условиям республики¹³.

Вместе с тем, как уже отмечалось в литературе, в современных условиях имело бы положительное значение издание Союзом ССР основополагающих актов применительно к развитию культуры, науки, печати и принятие на их основе соответствующих республиканских законов¹⁴.

К сферам совместной компетенции СССР и союзных республик в области государственного строительства относятся обеспечение государственной безопасности, охрана государственного порядка, прав и свобод граждан, руководство деятельностью органов правосудия, а также осуществление внешнеполитической деятельности¹⁵. В частности, в области внешнеполитической деятельности Узбекская ССР, согласно Конституции, осуществляет представительство Узбекской ССР в международных отношениях, ратифицирует и денонсирует международные договоры Узбекской ССР, назначает и отзывает дипломатических представителей Узбекской ССР в иностранных государствах и международных организациях. В республике имеется Министерство иностранных дел. Широкую работу по осуществлению связей с иностранными государствами проводят также республиканские Общества дружбы и культурных связей с народами зарубежных стран и другие государственные и общественные организации.

К исключительному ведению Узбекской ССР, применительно к государственному строительству, относятся принятие Конституции республики и внесение в нее изменений, контроль за соблюдением Конституции Узбекской ССР и обеспечение соответствия Конституции Каракалпакской АССР Конституции Узбекской ССР; вынесение на утверждение Верховного Совета СССР вопроса об образовании новых автономных республик и автономных областей; установление порядка организации и деятельности республиканских и местных органов государственной власти и управления; амнистия и помилование граждан, осужденных судебными органами Узбекской ССР. Республика самостоятельно решает все вопросы своего административно-территориального устройства. Это прямо вытекает из содержания соответствующих

¹² «Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР», 1978, № 36, ст. 527.

¹³ «Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР», 1970, № 36, ст. 426; 1974, № 22, ст. 249.

¹⁴ См.: Шибайлов В. И. Управление социально-культурным строительством в союзной республике. Минск, 1974; Дорохова Г. А. Конституция как основа дальнейшего совершенствования законодательства и управления в области культуры. — В сб.: Конституция СССР и дальнейшее развитие государственного управления и теории права, М., 1979.

¹⁵ См. подробнее: Михайлов А. И. Государственное строительство Узбекской ССР на современном этапе. Ташкент, 1973.

статей Конституции СССР и Конституции Узбекской ССР. Вместе с тем в последнее время в работах, посвященных проблемам административно-территориального устройства, не раз предлагалось урегулировать в общесоюзном порядке основные положения, характеризующие принципы административно-территориального устройства, важнейшие критерии классификации населенных пунктов, оптимальные показатели для различных видов административно-территориальных единиц и т. д.¹⁶ Представляется, что это имело бы положительное значение.

По вопросам, отнесенным к ее компетенции, Узбекская ССР принимает соответствующие законодательные акты. Таковы, например, Закон о Совете Министров, Законы о выборах в Верховный Совет и местные Советы народных депутатов, Указы по вопросам классификации населенных пунктов, порядка изменения административно-территориального устройства и др.

Таким образом, сам характер и федеративная структура Советского многонационального союзного государства обеспечивают полную возможность целесообразного определения компетенции СССР и союзных республик при гармоническом сочетании общегосударственных интересов с интересами всех входящих в его состав союзных республик.

«Тщательный учет интересов и потребностей каждой нации и народности,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик»,— органическое их сочетание с интересами советского народа в целом, объединение усилий трудящихся на решение актуальных задач развития общества,— все это находится в центре внимания КПСС»¹⁷.

Братская дружба и все более тесное сближение социалистических наций, высокое понимание общенародных задач, мудрая ленинская национальная политика КПСС способствуют эффективному осуществлению всесторонней координации и сотрудничества между Союзом ССР и союзными республиками, последовательному воплощению и творческому развитию в едином общенародном союзном государстве принципов демократического централизма, социалистического федерализма и советской демократии.

У. Содиқов

**ИТТИФОҚДОШ РЕСПУБЛИКА КОМПЕТЕНЦИЯСИНИ
КОНСТИТУЦИОН ТАРТИБГА СОЛИШ**

(ЎзССР материаллари асосида)

Мақолада ЎзССРга оид конкрет материалларда иттифоқдош республика компетенцияси билан ССР Иттифоқи компетенциясининг ўзаро муносабати янги Совет Конституцияси низомлари асосида характерлаб берилди.

¹⁶ См.: Ш а ф и р М. А. Конституционные основы административно-территориального устройства Советского социалистического государства. — В кн.: Конституционные основы государственного строительства, Свердловск, 1981; Н и к и т и н Ю. Н. Административно-территориальное устройство союзных республик и совершенствование его законодательного регулирования (По материалам Латвийской ССР). Автореферат канд. дисс. Минск, 1978; Кадыров В. А. Административно-территориальное устройство союзной республики. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1979.

¹⁷ «Правда», 1982 г., 21 февраля.

С. С. КАМИЛОВА

О РОЛИ ФАКТА В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Становление и развитие научного знания осмысливаются в процессе взаимодействия различных элементов, как факты, законы, проблемы, теории. Весь процесс становления знания есть сложное переплетение, взаимодействие диалектически противоречивых компонентов.

Здесь мы попытаемся раскрыть диалектику взаимосвязи научной проблемы с научным фактом.

С возникновением и развитием научного знания вырабатываются особый взгляд на мир, особый язык и стиль мышления, формируются специальные методы исследования, складывается строгая логика рассуждения, где важную роль приобретает доказательство истинности знания.

Каждый новый этап постижения сущности социальных и природных явлений расширяет горизонты понимания реального мира, уточняет жизненные ориентиры и социальную целеустремленность исследователя. Углубление процесса познания сущности вещей оказывает действенное влияние и на выработку революционно-практического отношения к действительности, и на формирование позиции социальной активности личности.

В процессе познания теория становится высшей ступенью научного знания. При построении научной теории ведущим и исходным компонентом выступает научная проблема. В зависимости от глубины и практической сущности научной проблемы исследуемых явлений строятся субординация и координация теорий, логические переходы от теорий менее развитых к теориям более развитым, классификация проблем общественных, естественных, технических наук.

Выявление глубинных, существенных связей между явлениями реальной действительности обуславливает внутреннюю логику знания, определяет природу, цели и функции научной проблемы в процессе научного познания. При становлении, формировании или конструировании научной проблемы можно реконструировать на основе анализа их логического содержания виды и этапы этого процесса в зависимости от теоретической и практической значимости.

Корни научной проблемы — диалектическое противоречие процесса познания. Выявление противоречия познания характеризуется появлением проблемной ситуации. Благодаря этому можно четко осознать наличие двух видов знания: готового и вновь открытого. Движущая сила знания — диалектическое противоречие этих двух видов знания. Выявление данного противоречия представляет собою проблемную ситуацию. Снятие диалектического противоречия заложено в постановке и решении проблемы. Диалектическая противоречивость познания периодически повторяется — она причинно обуславливается реальной действительностью и самой спецификой процесса познания.

Развитие познания на определенном этапе закономерно выливается в построение теоретических систем. Каждая система есть единство понятий, идей, принципов, ее элементы взаимосвязаны, функции их

согласованы. Каждая система охватывает важнейшие результаты определенного этапа познания и потому является конкретно-историческим результатом в развитии научного познания. Каждая система научных знаний ограничена, ибо она отражает познание объекта на определенном этапе. Однако всегда есть возможность выхода за рамки этой системы. На всем пути, на всех уровнях развития познания все элементы взаимосвязаны, имеют важное значение.

При исследовании закономерностей познания объекта и принципов построения теоретического знания немаловажное значение имеет философский анализ факта как элемента научного знания. Выяснение гносеологической природы факта, его места и роли в системе научного знания, его соотношения с другими элементами научного знания — все эти вопросы важны при исследовании логики и методологии науки.

В последние годы появилось немало работ наших философов, в которых факт как форма научного знания разрабатывается специально или в какой-либо связи¹. Мы не ставим здесь своей целью подробно охарактеризовать все точки зрения по данному вопросу, остановимся лишь на некоторых из них, чтобы раскрыть роль и значение научного факта в формировании и разрешении научной проблемы.

Развитие научного познания показывает, что факты по своему объективному содержанию служат исходным началом, моментом, основой постановки научной проблемы, выдвижения теоретического положения, построения любой системы научного знания. Поэтому в научном знании главное — умение обнаруживать, подбирать, изучать факты, правильно истолковывать их². Рассматривая вопросы факта как элемента эмпирического знания, его гносеологическую функцию, а также роль и значение в построении теории, закона в научном познании, Р. Х. Аманбаева пишет: «Восхождение от накопления первоначальных фактов до установления закономерностей и появления научной теории — процесс очень сложный, требующий максимального использования всех возможностей абстрактного мышления, логических операций и средств, методов научного познания»³.

Факт устанавливается с целью познания предмета, явления и на уровне научного знания он выступает эмпирическим объектом. Как указывал В. И. Ленин, факты — это результаты практической и познавательной деятельности человека, ступеньки познания им окружающего мира⁴.

Открытие нового научного факта имеет большое значение для развития системы научных знаний, ибо создание новой теории требует своего объяснения. Значение фактов было оценено М. Планком так, что первый повод к пересмотру или изменению какой-нибудь физической теории почти всегда вызывается установлением одного или нескольких фактов, которые не укладываются в рамки прежней теории. Факт — та архимедова точка опоры, при помощи которой сдвигаются

¹ См., напр.: Аманбаева Р. Х. Гносеологическая функция факта в развитии теории и закона. — Дialeктика и научное познание (Материалы научно-теоретической конференции), Ташкент, 1979; её же. В. И. Ленин о сущности и роли фактов науки. — Ленинское философское наследие и методологические проблемы современного знания (Тезисы научно-теоретической конференции), Ташкент, 1980; Демидова С. В., Стюфляева М. И. Факт как форма эмпирического знания. — В кн.: Проблема субъекта и объекта в истории философии и в современной науке. Воронеж, 1974; Елсуков А. Н. Эмпирическое познание и проблема формирования научного факта. — В кн.: Природа научного знания, Минск, 1979; Мамчур Е. А. Теория и эмпирические факты. — В кн.: Практика и познание, М., 1973; Мерзон Л. С. В. И. Ленин о сущности и роли фактов науки. — В кн.: В. И. Ленин и вопросы философской науки, Л., 1970; его же. Роль факта в философском знании. — «Философские науки», 1982, № 2; Черняк В. С. Факт в системе научного знания. — «Политическое самообразование», 1975, № 10; Худяков С. С. Понятие научного факта. — В кн.: Проблемы диалектического материализма, вып. 3, М., 1973, и др.

² Андреев И. Д. Теория как форма организации научного знания. М., 1979, с. 126.

³ Аманбаева Р. Х. Гносеологическая функция факта..., с. 194.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 141.

с места даже самые солидные теории⁵. «Для настоящего теоретика,— писал Планк,— ничто не может быть интереснее, чем такой факт, который находится в прямом противоречии с общепризнанной теорией...»⁶ Например, созданию квантовой механики предшествовали эксперименты по установлению корпускулярной природы катодных лучей, открытие фотоэлектрона, рентгеновских лучей, радиоактивности и главное — накопление огромного фактического материала по изучению структуры спектров различных химических элементов.

Но не все новые опытные факты могут требовать перестройки теории. Если эмпирический факт расширяет, конкретизирует, уточняет отдельные звенья теории, то его следует отнести к новому знанию.

Без накопления фактов, их систематизации, обобщения и объяснения не могут развиваться ни естественные, ни общественные науки. Противоречие между новыми фактами, открытиями и общепризнанной теорией есть объективное условие для возникновения научной проблемы. Объективным оно является, во-первых, потому, что факты, которыми оперирует наука, объективны по своему содержанию; во-вторых, потому, что его основанием служит взаимосвязь единичного и общего, явления и сущности, изменчивости и устойчивости в самой действительности. «...Развитие новых возможностей, рассмотрение старых проблем под новым углом зрения требуют творческого воображения и отражают действительный успех в науке»⁷.

Факт — это обобщение эмпирических данных, а с точки зрения функций, выполняемых в научном исследовании,— объект объяснения и относительный критерий истинности теоретического знания, средство установления эмпирического значения теории, предпосылка возникновения и разрешения научной проблемы, фактор обобщения и развития научной теории.

Истинность факта как высказывания о непосредственно наблюдаемом определяется практикой в целом как основой познавательного процесса, а не единичным актом наблюдения.

По мере формирования научной теории и обработки мышлением наличных фактов их тенденция к общему выявляется все отчетливее, пока единичный трансформированный факт не включается в структуру теории — знания о сущности предметов.

Однако не всякое высказывание, удовлетворяющее этому требованию, является фактом, а лишь достоверно известное при создании теории. Достоверность факта устанавливается в конечном счете процессом практики, поэтому он служит аргументом доказательства любой теории.

Обоснованием теоретического знания выступают не факты как высказывания об эмпирически проверяемом и чувственно данным и не знание, сконструированное из чистых логических элементов, и даже не комбинаторская смесь того или другого, а нечто иное, составляющее основание всех научных построений, определяемое развитием практики и в такой же мере эмпирическое, как и абстрактное. Это — фактическое знание как содержание определенных научных систем, жизненность которых установлена практикой.

Возможность развития фактического знания в теоретическое заложена в противоречивой природе факта. Каждый факт формулируется с помощью абстрактных понятий, в которых аккумулируются прошлые знания человечества. Первоначальный этап исследования — сбор фактов. Пока фактов мало, никакие обобщения невозможны. Факты собираются не сами для себя, а для решения некоторой проблемы.

Из имеющихся фактов отбираются те, которые характеризуют признаки объекта, наиболее существенные с точки зрения решаемой проблемы.

⁵ Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966, с. 73.

⁶ Там же.

⁷ Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М., 1965, с. 78.

Проблемы вырастают из предшествующих результатов знаний как своеобразное логическое следствие, и мы предполагаем, что постановка проблемы является своеобразной теоретической системой. Поэтому научная проблема выступает некоторым прообразом теории, зародышем ее. Содержание факта должно нести в себе определенное количество информации о действительности.

Обработанные факты превращаются в эмпирический базис системы научного знания. Качественное преобразование фактов в эмпирический базис теории, осуществляемое путем упорядочения множества фактов, есть одновременно процесс возникновения научных абстракций как элементов структуры теоретической системы и функционирование фактов в ходе образования системы.

Итак, эмпирический базис теории — это не просто оптимальное, а необходимое множество фактов для построения теории.

Теория опирается на множество фактов, но лишь незначительная часть их включена в ее структуру. Чтобы факт стал основанием теории, он должен включиться в фиксированную систему как ее элемент.

Эмпирический базис — это совокупность качественно преобразованных фактов, составляющих объективное содержание абстракций; всякая абстракция может быть «развернута» в сумму достоверных высказываний, находящихся в абстракции в имплицитном, неразвернутом виде. Теоретическое мышление всегда опирается на огромное количество открытых практикой фактов.

Факт, описывающий существенную сторону или аспект действительности, никогда не теряется познанием, даже если оно на данном этапе своего развития и не способно достаточно полно объяснить его. Так, давно известный факт совпадения гравитационной и инертной массы был экспериментально доказан за триста лет до того, как был объяснен общей теорией относительности, где он, превращенный в элемент ее эмпирического базиса, стал основанием ковариантных физических законов. Чтобы факты, открытые практикой, преобразовались в эмпирический базис системы научного знания, стали ее основанием, они должны пройти сложный диалектический путь своего качественного превращения посредством многих мыслительных операций. В эмпирическом базисе эти операции сохраняются в снятом, неразвернутом виде. Количественное увеличение информации и ее уплотнение в фактах посредством их обработки мышлением, преобразование фактов в эмпирический базис теории составляют основу для возникновения качественно особых форм познания — научных абстракций, относительно замкнутое единство которых составляет «ткань» всякой системы научных знаний.

Поскольку факты образуются в результате практического процесса, то эмпирический базис, представляющий качественно преобразованные факты, выступает таким основанием теории, в котором практика через опосредствующие звенья как бы содержится в скрытом, имплицитном виде. Именно это придает теоретическому знанию достоверность. Практика служит не только внешним критерием истины, но и основанием теоретического знания.

Взять, например, роль факта в развитии физики. История этой науки знает немало случаев, когда один вновь обнаруженный факт мог привести к коренному изменению теории. Так, много веков, с времен Демокрита до конца XIX в., атомистическая теория утверждала, что все многообразные материальные предметы состоят из атомов — последних, неделимых частиц материи. Однако на рубеже XIX—XX вв. было открыто существование электрона. В результате экспериментальных и теоретических исследований выработано представление об электро-не, которое обрело статус фактического знания. «Существование электрона, — пишет М. Льюис, — бывшее лишь гипотезой, принятой в некоторых теоретических работах, к концу XIX столетия оказалось экспериментально доказанным опытами с катодными лучами, лучами Беккереля, фотоэлектрическими явлениями, термоэлектронной эмисси-

ей. До тех пор физики представляли себе мир состоящим из атомов, последних частиц материи, неделимых и вечных. От этих представлений приходилось отказываться в пользу другого, более отвечающего фактам»⁸.

Итак, прежние представления об атоме, зафиксированные в прежней, атомистической теории, были опрокинуты. Атомистическая теория была заменена новой теорией — квантовой, в основе которой лежит уже другой принцип, согласно которому, как отмечал В. И. Ленин, электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна⁹.

Развитие науки не имеет предела. «Сущность в том,— писал И. Е. Тамм,— что наши понятия и представления не априорны, а являются результатом анализа, квинтэссенцией человеческого опыта. Такой анализ позволяет нам создать понятия, представления, теории, адекватные известному нам кругу явлений. Но каждый раз, когда мы проникаем в существенно новую область физических явлений, будь то область очень высоких скоростей (специальная теория относительности и космология), либо микрокосмос, мир атомов и элементарных частиц (квантовая теория), нам приходится кардинально менять сложившиеся понятия и представления»¹⁰.

Возникновение теории относительности, квантовой механики, теории атомного ядра вызвано появлением нового фактического материала. Новые факты, не согласуясь с установившимися представлениями классической физики, решительно ломая их, стали основой создания научных знаний на более высоком уровне.

По этому поводу В. С. Готт подчеркивал: «...Действительной основой для создания новой теории атома послужило не пресловутое «начало принципиальной наблюдаемости», о котором пишут многие буржуазные естествоиспытатели, а новые, до этого неизвестные, факты, значение которых получило далеко не полное объяснение в первоначальных постулатах Бора»¹¹. Например, Дирак пишет, что в квантовой электродинамике «все еще остается трудность, связанная с собственной энергией фотона. Чтобы справиться с нею, требуется... произвести еще более сложное преобразование, чтобы из него можно было вывести всю атомную физику... Однако современная квантовая электродинамика не удовлетворяет... и ...основные идеи требуют еще коренного пересмотра»¹².

Появление новых фактов и их объяснение или обобщение постоянно наличествуют в физике, их возникновение есть переход от старой физической теории к новой, который содержит в себе возможность создания проблемной ситуации, т. е. противоречие между существующей теорией и новым фактом выступает стимулом для проблемной ситуации. Противоречие между фактом и теорией проявляется в форме проблемы, решение которой служит источником развития знаний.

Ф. Энгельс писал: «Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающаяся сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон»¹³.

Итак, факты ведут к теориям, но и теории в ходе исследования становятся фактами.

«В любой научной области,— писал Ф. Энгельс,— как в области

⁸ Льюис М. История физики. М., 1970, с. 312.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 277.

¹⁰ Тамм И. На пороге новой теории. — «Наука и жизнь», 1967, № 1, с. 7.

¹¹ Готт В. С. Философские вопросы современной физики. М., 1967, с. 44.

¹² Дирак. Методы теоретической физики. — «Успехи физических наук», 1970, т. 102, вып. 2, с. 297—298.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 555.

природы, так и в области истории — надо исходить из данных нам фактов...»¹⁴ Из них вырастает проблема, которая заключает в себе необходимость движения знания. На основе реальных фактов совершенствуется, углубляется и развивается данная теория или же она отвергается, заменяется другой теорией, которая охватывает и объясняет реальные факты, ставшие известными науке в данной области объективной действительности. Наше познание поднимается на новый, более высокий уровень, глубже, полнее, адекватнее отражающий явления и процессы развития окружающего мира.

С. С. Комилова

ИЛМИЙ ПРОБЛЕМАНИНГ ШАҚЛЛАНИШИДА ФАКТНИНГ РОЛИ

Мақолада фаннинг турли соҳаларидаги проблемаларнинг қўйилиши ва ҳал этилишида илмий фактларни аниқлашнинг аҳамияти ҳақида сўз боради.

¹⁴ Там же, с. 370.

В. П. АЛЕКСЕЕВ, Т. К. ХОДЖАЙОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОГЕНЕЗА УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Широкие, систематические, комплексно поставленные антропологические исследования современного населения дают ценный материал для правильного решения проблем этногенеза различных народов.

Ныне антропологическая наука представляет в наше распоряжение огромное разнообразие методических приемов, нацеленных на изучение структурно-морфологических и функционально-физиологических особенностей человеческого организма. Подавляющее большинство их имеет генетическую основу, т. е. передается по наследству. Наши знания в области генетики этих особенностей еще недостаточно полны, тем не менее мы имеем представление о законах наследственной передачи многих признаков. Почти все они обнаруживают интенсивную географическую изменчивость. Следовательно, изучая географические вариации этих признаков, можно установить морфологические и физиологические различия между изучаемыми группами и интерпретировать их с генетической точки зрения. Это и есть та область антропологии, которая имеет непосредственное отношение к изучению проблем этногенеза и реконструкции исторических взаимоотношений предков современных народов.

В нашу задачу, в первую очередь, входит выбор определенного числа методических антропологических приемов применительно к организации исследований на территории Узбекистана, т. е. к конкретным условиям этнической истории этого огромного района и антропологическим различиям населяющих его народов. Они относятся, как известно, к различным вариантам европеоидной и монголоидной рас. Каковы же те признаки, которые следует определять для выявления различий между европеоидами и монголоидами, с одной стороны, между различными вариантами европеоидов и монголоидов внутри каждой из этой рас, — с другой, на территории Узбекистана и смежных областей?

В антропологии получила широкое распространение так называемая соматологическая методика, т. е. фиксация различий между локальными группами человечества с помощью измерения и точного описания, опирающегося на применение шкалированной оценки вариаций отдельных признаков, не поддающихся измерению.

Тот вариант этой методики, который используется советскими антропологами, был разработан на протяжении 20-х годов В. В. Бунаком, затем усовершенствован А. И. Ярхо и с успехом применялся во всех

районах Советского Союза, выдержав проверку временем. Особенно резкие различия между различными народами и их этническими подразделениями проявляются в пигментации, т. е. в цвете волос, глаз и кожи, в строении мягких тканей лица, т. е. в особенности строения глазной области, выступании носа, развитии скул, уплощенности лица, толщине и выступании губ вперед и в некоторых других признаках. Все это описательные признаки, определяемые с помощью балльной характеристики нарастания отдельных вариаций признака. Кроме того, производятся измерения головы и лица. Этот набор признаков, четко разграничивающий европеоидов и монголоидов, а также различные варианты европеоидной и монголоидной рас, представлены в составе среднеазиатских народов, и будет составлять соматологическую программу нашей работы. С помощью измерения и описания фиксируются особенности строения не только головы и лица, но и тела. Однако по этому признаку представители разных расовых типов отличаются друг от друга гораздо меньше, чем по строению лица. К тому же изучение строения тела возможно лишь на обнаженном субъекте и, следовательно, трудоемко, а потому включение его в программу будущей работы не предусмотрено.

Значительное место в исследовании расовых различий занял вопрос о проявлении полового диморфизма в расовых признаках. Антропологический материал показывает, что половые различия по-разному проявляются в различных территориальных группах. Однако в антропологии пока нет общей теории факторов, влияющих на географическую динамику половых различий. Скорее всего, она связана с разной динамикой ростовых процессов у мужчин и женщин, но проблема эта в целом требует дальнейших интенсивных исследований. Поэтому мы отказываемся от сбора антропологических данных среди мужского и женского континентов в предназначенных для изучения группах; антропологическому обследованию будут подвергнуты только мужчины. Стандартные вариации возраста приняты в пределах 20—60 лет, что позволяет получить представление о развитии закончившего свой рост и в то же время еще не подверженного старческой инволюции здорового работоспособного организма.

Помимо описанных выше морфологических различий между разными расовыми группами во внешних признаках, которые можно назвать макроразличиями, немалое место в антропологии всегда занимали так называемые микроморфологические исследования; по контрасту с соматологией, или внешней макроморфологией, подобные исследования можно назвать внешней микроморфологией. Речь идет о таких системах признаков, как вариации кожного рельефа ладоней и пальцев или вариации формы зубов. В последнем случае прежде всего подразумеваются вариации внутренней поверхности резцов и жевательной поверхности коренных зубов.

Несколько слов о кожном рельефе ладони, область изучения которого традиционно называется дерматоглификой. Изучение ладонного рельефа проводится с помощью прочтения отпечатков ладонных линий и пальцевых узоров, которые получают на бумаге с применением типографской краски. Все ладонное поле дифференцируется на ряд участков, внутри которых фиксируется протяженность ладонных линий; точно так же фиксируются линии пальцевых узоров. Методика эта была разработана английскими и американскими исследователями и традиционно используется не только в антропологии, но и при криминалистической идентификации личности. Сочетание всех этих вариаций специфично у различных этнических групп, и с помощью этих сочетаний, как и по соматологическим признакам, может быть охарактеризовано расовое различие, а также различия между локальными вариантами внутри крупных расовых подразделений, в частности монголоидов и европеоидов. Дерматоглифические признаки каждого индивидуума наследственно предопределены и не меняются с возрастом. Это позволяет брать

отпечатки ладоней и пальцев у детей разных возрастов без их дифференциации.

Особого внимания применительно к изучению дерматоглифических вариаций заслуживает тема полового диморфизма. Имеющиеся данные по разным территориальным и этническим группам демонстрируют ощутимую разницу в вариациях ладонных и пальцевых узоров у мужчин и женщин. Общей теории происхождения этих различий нет, возможно, передача по наследству некоторых из них связана с половой хромосомой. В этих обстоятельствах, памятуя об исключительных трудностях интерпретации различных вариаций признаков по разным полам (они, как правило, далеко не полностью совпадают у мужчин и женщин), можно было бы пренебречь половыми различиями, как это предлагается по отношению к соматологическим признакам, и собирать дерматоглифические данные, скажем, только среди мужчин. Однако это логически вполне оправданное решение вряд ли следует проводить в жизнь, учитывая недостаточную полноту наших знаний о конкретных вариациях ладонных и пальцевых узоров в отдельных группах как среди мужского, так и среди женского контингента. Поэтому в дерматоглифическую программу при организации работы в школах будет включен сбор отпечатков как у мальчиков, так и у девочек. Интерпретация данных будет осуществлена раздельно для представителей обоих полов.

Видимо, такой же подход будет правильным и в отношении сбора данных о половой дифференциации в строении зубной системы, или одонтологических вариаций. В литературе высказано мнение, что одонтологические вариации независимы от пола. Однако оно основано на немногочисленных данных, и существующая в настоящее время тенденция собирать данные по одонтологии как у мужчин, так и у женщин, но публиковать их суммарно, очевидно, страдает известным упрощенчеством. Сама морфологическая структура одонтологических признаков близка к структуре дерматоглифических вариаций — речь идет в обоих случаях о дискретно варьирующих признаках, т. е. признаках, различные градации которых изменяются в соответствии с принципом отсутствие-присутствие. Коль скоро дерматоглифические признаки обнаруживают не очень закономерное, но заметное различие по полу, можно думать, что подобный характер половой изменчивости вообще характерен для микроморфологических признаков. Таким образом, по аналогии с дерматоглифическими данными сбор одонтологических данных должен быть раздельно осуществлен и интерпретирован у представителей разных полов.

Методика изучения зубной системы человека на групповом уровне на протяжении нескольких десятилетий разрабатывалась многими западноевропейскими и русскими исследователями. В советской антропологической литературе она систематизирована и дополнена А. А. Зубовым. С помощью несложных приспособлений ряд особенностей строения зубной системы может быть фиксирован визуально. Однако более объективные результаты достигаются с помощью взятия восковых слепков как с зубной дуги в целом, так и с отдельных зубов. Дополнительная сложность возникает за счет того, что зубная система не представляет собою стойкого образования на протяжении жизни человека, зубы часто портятся и выпадают. Кроме того, все зубы подвержены раннему стиранию и, хотя оно проявляется по-разному на различных зубах, многие важные особенности зубной системы не могут быть изучены уже в возрасте перехода человека во взрослое состояние. Выход из этой ситуации может быть только один — собирать слепки зубной системы параллельно с дерматоглифическими отпечатками, т. е. среди того же детского контингента, ориентируясь, однако, на возрастной интервал 13—15 лет, когда молочные зубы полностью сменились постоянными (у 17—18-летних людей часто прорезается уже последний коренной зуб), но зубы еще не начали стираться или стерты лишь в слабой степени. Организация обследования школьников, следовательно, дает полную возмож-

ность выполнить не только дерматоглифическую, то и одонтологическую программу.

Переходим теперь к наиболее трудоемкой в любом групповом исследовании серологической программе. Интенсивная работа иммунологов, биохимиков, генетиков, антропологов в разных странах на протяжении последних 60 лет привела к открытию более чем 50 генетически детерминированных факторов в кровяном русле у человека, биохимическая природа которых не вполне ясна, но которые, видимо, ответственны за разные стороны иммунологической резистентности. Каждый человек имеет нестандартный, свойственный лишь ему набор указанных факторов, это как бы его «биохимическое лицо», подобно тому как мы говорим о неповторимо индивидуальном подлинном лице человека. Однако сочетание этих факторов не только индивидуально специфично, но имеет и групповую специфику: отдельные территориальные или этнические группы отличаются строго специфическим именно для них сочетанием кровяных факторов, или, как их принято называть, групп крови. Последние образуют как раз ту группу антропологических признаков, по отношению к которым мы имеем дело со строго выясненным характером наследования. Именно поэтому их часто называют генетическими маркерами; они крайне важны и информативны при антропологической трактовке этногенетических проблем.

Но к генетическим маркерам относятся не только группы крови, которые иногда называют эритроцитарными группами крови, ибо их определяют химические вещества на теле эритроцитов. В эту же категорию входят так называемые сывороточные группы крови, т. е. белковые фракции и ферменты, определяемые в кровяной сыворотке. Их наследственная передача, как и эритроцитарных групп крови, осуществляется по строго детерминированным, сравнительно простым законам, и потому их значение в этногенетическом исследовании также очень велико. К сожалению, опыт использования вариаций этих признаков, особенно сывороточных факторов, в историко-антропологических работах еще сравнительно невелик, а на территории Средней Азии их географическое распространение вообще не изучалось сколько-нибудь полно. Заполнение этого пробела будет иметь в данном конкретном случае не только большое этногенетическое, но и исключительное популяционно-генетическое значение.

Надо со всей ответственностью подчеркнуть, что получение перечисленной информации возможно лишь в условиях хорошо оборудованной лаборатории, имеющей специальную биохимическую аппаратуру. Организация такой лаборатории в стационарных условиях, т. е. на базе какого-то постоянного учреждения (предполагается организация ее в рамках Института археологии АН УзССР) — дело нелегкое. Оно требует должного подбора квалифицированных сотрудников и немалых затрат на закупку нужного оборудования. Однако опыт организации таких лабораторий во многих антропологических учреждениях страны показывает, что подобные затраты с лихвой окупаются ценностью получаемой генетической и этногенетической информации. Кровь обрабатывается с помощью набора стандартных сывороток, от числа которых зависит число определяемых факторов. Значит, чем шире подбор сывороток, тем разнообразнее получаемые генетические данные, тем богаче может быть их этногенетическая интерпретация. Однако само взятие образцов крови может осуществляться только в полевых условиях, при изучении представителей тех или иных этнических групп. Оно будет проводиться параллельно с антропологическим обследованием. Кровь берется, при соблюдении стерильных условий, из вены (для анализа на выявление многих генетических маркеров необходима именно венозная кровь). Хранение образцов на протяжении нужного времени можно легко осуществить с помощью холодильной установки. Но обработка ряда факторов требует срочной переброски взятых образцов в станцио-

нарную лабораторию, что, в свою очередь, требует налаживания регулярной транспортировки.

Поскольку все перечисленные выше четыре системы признаков: соматологическая, дерматоглифическая, одонтологическая и серологическая — независимы одна от другой (это означает, что, скажем, обладание той или иной группой никак не влияет на рост и обладание теми или иными элементами ладонного или пальцевого узора и наоборот), то этногенетические данные, извлекаемые из анализа каждой из этих систем, дополняют и подкрепляют друг друга. Само наличие в плане работы четырех программ вместо одной или двух позволяет достичь объективных результатов, гораздо более полноценных, чем результаты предшествующих антропологических исследований на территории Средней Азии, базировавшихся чаще всего лишь на соматологических данных. Расширение и организационное оформление группы антропологов, входящей ныне в один из отделов Института археологии АН УзССР, могло бы способствовать более быстрому и эффективному проведению в жизнь намеченных методических подходов.

От обсуждения методических вопросов закономерен переход к рассмотрению территориальной организации исследований. В антропологии стало привычным определять минимальный состав изученной группы на уровне 100 человек. Это обеспечивает достаточную статистическую представительство получаемых данных. При многочисленности этнотерриториальных групп, вошедших в состав современного узбекского народа, можно полагать, что случайная выборка в 100 человек среди потомков любой этнотерриториальной группы не будет охватывать индивидуумов, связанных кровным родством. Это обстоятельство нужно подчеркнуть особо, ибо при наличии внутри выборки кровных родственников и, следовательно, повышающейся вероятности проявления одних и тех же наследственных факторов, численность выборки для получения статистически представительных результатов должна быть увеличена. Исключение из выборки индивидуумов, связанных кровным родством, очень важно и при сборе серологических данных. Поскольку данные о дерматоглифических и одонтологических вариациях будут собираться среди мужского и женского контингентов, мы увеличиваем численность выборки до 200 человек — по 100 на каждый пол. Таким образом, перечисленные выше программы будут представлены разным числом исследованных индивидуумов, соматологические и серологические выборки — 100, дерматоглифические и одонтологические — 200 человек.

Сейчас в антропологических исследованиях делаются многочисленные попытки увязать получаемые данные, особенно о вариациях генетических маркеров, с информацией о родственной структуре изученных групп. Это означает, что параллельно с антропологическими данными собираются сведения о характере заключения браков и родстве отдельных семей, иными словами, восстанавливается генеалогия группы. При малочисленности группы и достаточности исследовательских усилий такая работа может быть проведена в обозримые сроки. При наличии письменных документов (например, церковных списков, регистрирующих рождения, смерти, заключение браков) сведения, собранные при опросе современного населения, могут быть хронологически углублены на несколько поколений. Однако, повторяем, все это можно осуществить в обозримые сроки, если исследователь имеет дело с малочисленной группой. В противном случае работа по сбору таких сведений становится необозримой. Но и есть другая сторона дела: достаточно часты отклонения от традиционных и широко распространенных способов заключения браков у многих народов. В качестве примера сошлемся на экзогамия, широко распространенную среди тюркских племен эпохи средневековья: отклонения от экзогамного характера заключения браков фиксируются этнографически уже в прошлом веке. Многие из вошедших в состав узбекского народа тюрко-монгольских племенных

групп соблюдали экзогамию в целом, но отклонения от нее были достаточно многочисленными. Для тех узбекских групп, которые в прошлом не имели родовых делений и происхождение которых восходит к древнему земледельческому населению территории Узбекистана, экзогамия вообще не была характерна. Браки заключались в соответствии с имущественным, религиозным, социально-престижным выбором, без следования определенной системе родственных отношений. Восстановление в этих условиях родословной структурообразующих узбекский народ этнотерриториальных групп — дело фактически невыполнимое, да и сама структура всего народа выглядит достаточно аморфной и неопределенной. Поэтому при организации антропологического изучения узбеков с целью реконструкции их этногенеза на основе антропологических данных мы отказываемся от соотнесения антропологических данных с популяционно-генеалогическими: они будут соотнесены лишь с племенной структурой предков узбеков, образовавшейся примерно на протяжении последних двух тысяч лет.

В историко-этнографической литературе распространены разные схемы исторической периодизации того многовекового процесса, который имел своим результатом проникновение кочевнических элементов на территорию нынешнего Узбекистана, смешение их с местными земледельческими племенами и образование в конечном счете этнических предков современного узбекского народа. Так, автор содержательной статьи об использовании исторических источников в этногенетическом исследовании, Б. А. Ахмедов выделяет четыре периода в истории проникновения кочевых народов на территорию нынешнего Узбекистана, дифференцируя эпоху средневековья на периоды домонгольского и послемонгольского нашествия, с одной стороны, и эпоху раннего железа — на периоды до и после рубежа н. э. В то же время автор весьма авторитетной и получившей высокую оценку в литературе книги по этнической истории Таджикистана и Узбекистана, Б. Х. Кармышева распределяет все вошедшие в состав предков узбеков кочевые племена на две группы — ранних племен и поздних племен. Представляется целесообразным принять эту генерализованную схему и осуществить выбор групп для антропологического исследования в соответствии с нею. Это означает, что в нашем распоряжении будут соответственно выборки тройного происхождения: 1) предполагаемые потомки древних местных земледельцев, называвшиеся в старой этнографической литературе саргами; 2) потомки кочевых народов, проникших на территорию нынешнего Узбекистана в раннюю эпоху, до монгольского нашествия; 3) потомки кочевых народов, пришедших на территорию нынешнего Узбекистана в послемонгольское время, включая и кочевые племена, пришедшие с Шейбаниханом.

Совершенно очевидно без всяких дальнейших доказательств, что местное земледельческое население территории нынешнего Узбекистана не представляло собой монолитного этнического целого. Об этом говорят как дошедшие до нас исторические свидетельства, так и разнообразие археологических памятников; о том же свидетельствуют и морфологические особенности древнего населения. Однако трудно ожидать, что здесь были представлены 2—3 крупных этнических пласта; скорее всего, население отличалось значительным этническим разнообразием, разные этнические компоненты были рассеяны чересполосно и шел процесс постоянного смешения между ними.

Отмеченные выше весьма вероятное культурно-этническое разнообразие местного земледельческого населения территории нынешнего Узбекистана и большая трудность в восстановлении подлинной картины этнического расселения заставляют идти в выборе групп по линии их территориальной приуроченности к древним историко-культурным провинциям, занимавшим Среднеазиатское междуречье. Как известно, можно насчитать шесть таких провинций: Хорезм, Согд, северная часть Бактрии, или Тохаристан, Чач, Уструшана и Фергана. Совершенно

Очевидно, что потомки населения каждой провинции должны быть представлены в обследуемом контингенте. Исторически реконструируемые размеры некоторых из этих провинций очень велики, и потому не требует доказательств крайняя желательность увеличения числа групп, чтобы сделать материал более репрезентативным. Поэтому для территории древнего Согда, Уструшаны и Ферганы желательно иметь данные минимум о двух группах в каждом случае. Таким образом, потомки древнего местного населения территории нынешнего Узбекистана будут представлены девятью группами: Хорезм — одна группа (г. Хива и ее окрестности); Согд — две группы (Бухарская область, Кашкадарьинская или Самаркандская область); северная часть Бактрии — одна группа (к югу от Дехканабада); Чач — одна группа (окрестности г. Ташкента); Уструшана — две группы (окрестности г. Джизак, окрестности г. Ленинабада); Фергана — две группы (Наманганская область, Ферганская область).

Переходя к населению, которое является потомками групп с родовыми делениями, следует подчеркнуть общеизвестный факт многочисленности этих родовых делений (как известно, в исторических источниках зафиксировано около ста названий). Ясна невозможность охвата потомков всех этих групп антропологическим обследованием — оно затянулось бы на многие годы, а потомки многих групп все равно не могли бы быть исследованы в достаточном количестве. Необходимо идти по пути какого-то выбора, однако здесь немало трудностей: как выбирать группы, в какой последовательности располагать их по годам исследования, какие группы исключать — все это совершенно неясно. Видимо, единственным принципом в этом случае, который не может вызвать серьезных возражений, является принцип численности: чем многочисленнее современные потомки древней родоплеменной или этнической группы, тем больше оснований включать их в обследование и наоборот. При этом должно учитываться упомянутое выше и принятое нами очень общее подразделение на древние и поздние племена.

Из ранних племен, проникших на территорию нынешнего Узбекистана в эпоху домонгольского нашествия, достаточно крупных в древности и оставивших многочисленных потомков, следует, в первую очередь, назвать тюрков, карлуков и кипчаков. Значительный вклад их в этногенез узбекского народа общеизвестен. Таким образом, предки древних племен с родовыми делениями должны быть представлены в нашем материале тремя группами: потомки тюрков — одна группа (Кашкадарьинская область); потомки карлуков — одна группа (Пахтакорский район Самаркандской области); потомки кипчаков — одна группа (Наманганская или Ферганская область).

Среди племен, проникших на территорию нынешнего Узбекистана в эпоху послемонгольского нашествия, можно назвать десять крупных родоплеменных или этнических групп, оставивших наиболее многочисленных потомков: кунграды, джузы, локайцы, катаганы, кенегесы, мангыты, найманы, ктаи, джалаиры и кураминцы. Таким образом, потомки поздних племен, принявших участие в этногенезе узбекского народа, должны быть представлены в наших материалах десятью группами: кунграды и джузы — по одной группе (Самаркандская и Кашкадарьинская область); локайцы — одна группа (Таджикская ССР); катаганы и кенегесы — по одной группе (Сурхандарьинская область); найманы и ктаи — по одной группе (Самаркандская область); мангыты и джалаиры — по одной группе (Кашкадарьинская область); кураминцы — одна группа (Ташкентская область).

Таким образом, в нашем распоряжении оказываются данные по 13 группам, являющимся, как уже говорилось, потомками древних и средневековых кочевых народов, проникших на территорию нынешнего Узбекистана. Вместе с потомками местного населения они составят 21 группу, которые более или менее равномерно отражают историко-гео-

графическую стратификацию непосредственных предков узбекского народа.

Однако было бы совершенно неправомерно ограничиться только перечисленными группами, ибо это значительно сузило бы антропологическую базу для обсуждения проблем этногенеза узбекского народа. Специфика антропологического материала состоит в том, что полноценность и эффективность его использования для суждения по вопросам этногенеза прямо пропорциональны объему привлекаемых сравнительных данных. Основатель советской антропологии, замечательный советский антрополог В. В. Бунак совершенно справедливо говорил: «Антропологический материал начинает звучать по-настоящему только тогда, когда он рассматривается трансэпохально и трансконтинентально». Поэтому необходимо обсудить вопрос о том, какие народы и этнические группы могут быть изучены для сравнения с узбеками. Особенно важно такое сравнительное изучение для соматологической программы, ибо при всей объективности антропологической методики некоторые субъективные различия в подходе к определению описательных признаков, вариации которых, как уже сказано, фиксируются с помощью шкал, неизбежны, что ограничивает возможность использования уже опубликованных данных, собранных другими исследователями. Совершенно естественно, что сравнительные данные должны быть собраны как среди народов, населяющих ныне территорию Узбекистана, так и среди народов окружающих областей, многократно входивших в культурные и этнические контакты с узбеками на протяжении всего их исторического прошлого.

Начнем с народов, относящихся к европеоидной расе. Весьма желательно изучение по одной группе арабов и ирани (окрестности Самарканда). Не менее желательно исследовать таджиков как в северных, так и в южных районах их расселения — две группы (Ленинабадская область и какой-то район по долине Вахша). Переходя к народам, которые содержат в своем составе значительную монголоидную примесь, следует назвать туркмен, каракалпаков и уйгуров. Одна группа туркмен может быть исследована в Ташаузской области Туркменской ССР, другая, предположительно входящая в состав туркмен, — в Нуратинском районе Навоийской области. Одну группу каракалпаков можно обследовать в районах их контактного расселения к северу от г. Нукуса. Изучение двух разных по происхождению групп уйгуров наиболее целесообразно организовать на территории Ошской области Киргизской ССР. Из народов с преобладанием монголоидного комплекса признаков должны быть изучены казахи, киргизы, дунганы, корейцы. Одна группа казахов может быть исследована в районе к югу от Чардарьинского водохранилища. Широкий ареал расселения киргизов и большое физико-географическое и ландшафтное разнообразие внутри этого ареала приводят к необходимости изучения минимум трех территориальных групп киргизского народа: в Таласской долине, в пределах западных отрогов Тянь-Шаньского хребта и в восточных районах Тянь-Шаня. Одна группа корейцев может быть исследована в Верхнечирчикском районе Ташкентской области, две группы дунган разного происхождения — на территории Киргизской ССР.

Итак, обследованию подлежат 37 территориальных выборок. Учитывая все трудности полевой работы, огромный географический диапазон подлежащих изучению территорий, надо полагать, что эти 37 групп могут быть изучены по описанным выше программам не быстрее, чем за пять полевых сезонов, при условии работы в поле шести человек на протяжении двух месяцев ежегодно. Таков минимальный объем предстоящего антропологического обследования современного населения Узбекистана и окружающих районов, необходимого для изучения этногенеза узбекского народа.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЧАЧА

История Чача в раннее средневековье исследована до сих пор весьма недостаточно. Основная причина — фрагментарность сведений письменных источников¹. Исключительно важен для понимания ряда проблем чачской истории найденный на горе Муг согдийский документ А-14 — донесение агента Деваштича Фатуфарна, посланного в Чач². Письменные источники недостаточно полно характеризуют династическую историю, а также административно-политическую структуру этой области. Так, для периода VII—VIII вв. н. э. известно лишь несколько имен правителей Чача, к тому же в весьма искаженной транскрипции³.

В этом отношении большие перспективы открывают нумизматические данные, до сих пор использовавшиеся крайне ограниченно.

Пионером чачской нумизматики стала О. И. Смирнова, которая среди монет музейных собраний и с городища Пенджикент определила чачские эмиссии и предложила их первую обобщенную классификацию, выделив три серии⁴. Ее классификация, однако, несколько формальна, поскольку, как сейчас выяснилось, в разные серии попадают монеты одного и того же правителя. Кроме того, она далеко не исчерпывает все типы чачских монет.

Связано это с тем, что монеты, происходящие непосредственно с территории Чача, до недавнего времени почти не публиковались. Лишь в последние годы частично изданы монетные сборы из Канки⁵, Киндыктепа⁶, Ташкента⁷ и Ханабадтепа⁸.

Систематический учет и исследования монетных находок с территории Ташкентской области позволяют существенно уточнить предложенную О. И. Смирновой классификацию, а также перейти к вопросам исторического характера.

Изучение чачских монет показывает, что они весьма разнообразны в иконографическом и эпиграфическом отношении. Тем не менее среди

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I, М., 1963; Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. М., 1967; Кляшторный С. Т. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 157—161; Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972, с. 314—316.

² Лившиц В. А. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962 (Согдийские документы с горы Муг. вып. 2), с. 77—91.

³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М., 1950, с. 313; Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981, с. 430.

⁴ Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.). М., 1963, с. 32—35; е е же. Сводный каталог..., с. 51—53.

⁵ Описание этих монет сделано мною в статье К. А. Абдуллаева «Археологическое изучение городища Канка (1969—1972)». — ИМКУ, 12, Ташкент, 1975, с. 152—153.

⁶ Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 123—127.

⁷ Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В. О раннесредневековых чеканах Чача. — В кн.: У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982, с. 181—187.

⁸ Ртвеладзе Э. В., Ртвеладзе Л. Л. Цитадель Ханабад-тепе. — В кн.: Древности Ташкента, Ташкент, 1976, с. 21—26.

них можно выделить шесть основных монетных групп, подразделяющихся, в свою очередь, на типы, варианты и виды⁹.

Для каждой из шести групп характерна своя индивидуальная «тамга», повторяющаяся на различных типах монет этой группы с именами разных правителей. Таким образом, «тамги» следует скорее всего рассматривать как династические знаки общечачской или более мелких династий, правивших в различных уделах Чача и Илака. Имеются также монеты, лишенные этих знаков, однако они не рассматриваются здесь, поскольку для их понимания сейчас еще недостаточно материалов. Все описанные в статье монеты медные.

Первая группа

Монеты Чача. Династический символ — вилообразный знак, проставленный в центре реверса в окружении согдийской курсивной надписи (рис. 1, 1—6). На аверсе чаще всего — изображение правителя в фас или в три четверти поворота в индивидуальном головном уборе, зачастую увенчанном полумесяцем. Непременное присутствие справа от правителя солярного символа в виде свастики. На монетах поздних выпусков этой группы на аверсе встречается как погрудное изображение правителя, так и хищного зверя (имя правителя — *rwšk*), на фиальных монетах этой группы — чекан правителя Тарнабча (*trnbč*) — только изображение хищника. По разнообразию монетных типов и видов, встречаемых на территории Чача и за его пределами, они наиболее многочисленны среди других групп монет. На некоторых типах монет уверенно читается *čšpk* (чачокий), что позволяет отнести всю группу монет к чекану правителей Чача.

К более ранним относятся монеты, на аверсе которых имеется только погрудное изображение правителя.

1. Правитель *rwšk/zk*

Аверс. В линейном круге бюст правителя в три четверти поворота в плоском головном уборе с «ушками» по углам, увенчанном полумесяцем, покоящимся на шаре. В левом ухе серьга с двумя камнями. У правителя широкоскулое выразительное лицо, нос прямой, усы опущены концами вниз, глаза большие, миндалевидные, зрачки переданы выпуклыми точками. Справа от лица свастика¹⁰.

Реверс. В центре вилообразный знак, вокруг него согдийская курсивная легенда *rwšk/gk čšpk xwβw* (рис. 1, 1). Д — 1,8—2,0 см; В — 2г.

Места находок: Канка, Бенакет, Янгиюль, другие пункты Ташкентской области.

К этому же типу относится ряд мелких монет, легенда на которых лишь частично попала на монетный кружок или не сохранилась.

II. Правитель *rwšk* или *rtwšk*

1. Аверс. В круге из крупных точек бюст правителя в три четверти поворота влево. Головной убор типа остроконечного колпака, в одном случае увенчанного рогами, в другом — заломленного назад. Лицо с мелкими чертами, безусое (рис. 1, 3).

Реверс. В центре вилообразный знак, справа от него свастика. Согдийская курсивная легенда в две параллельные строки. Вверху *xwβ(w)*, внизу *rwšk*. Д — 1,7—1,8 см; В — 2,0 г.

2. Аверс. В круге из крупных рельефных точек изображение льва, идущего влево с поднятой правой лапой, голова повернута в фас. Над спиной согдийская курсивная надпись *xwβw* (рис. 1, 4).

⁹ В статье использованы монеты из раскопок М. И. Филанович, Ю. Ф. Бурякова, Г. Богомолова, а также коллекций В. Кучерова и С. Аширова, которым автор приносит искреннюю благодарность. Прорисовки монет выполнены автором и М. Х. Исхаковым.

¹⁰ Рамки данной статьи не позволяют дать детальное описание изображений на монетах, поэтому отмечены лишь наиболее важные признаки.

Реверс. В центре вилообразный знак. Над знаком титул хwβ против строки ргп, под знаком то же имя правителя гwǰк или гwǰќ. Легенда может быть переведена как «обладающий фарном правитель гwǰк или гwǰќ» (имя собственное).

Монеты второго варианта из Пенджикента опубликованы впервые О. И. Смирновой, однако на них имя правителя не сохранилось¹¹. Д — 2,0 см; В — 1,6—1,7 г.

Места находок первого варианта: городище Канка, Киндыктепа, у Ташкентского моря, Актепа Юнусабадское; второго — Канка.

III. Правитель trпǰċ (tr'ǰċ) — Тарнавч

Аверс. Хищный зверь, идущий вправо с поднятой правой лапой. Извивающийся хвост поднят над спиной.

Реверс. В центре вилообразный знак. Над знаком и под ним согдийская легенда из двух слов: хwβw trпǰċ (рис. 1, 5).

Распространены повсеместно на городищах Ташкентской области, в Отраре и его округе, Пенджикенте, Самарканде¹².

¹¹ Смирнова О. И. Сводный каталог..., с. 382—384, № 1551—1554.

¹² О чтении легенды на этих монетах см.: Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В. Указ. соч., с. 185—187.

IV. Безымянный правитель

Аверс. В круге из крупных точек хищный зверь, идущий вправо, голова повернута в фас.

Реверс. В центре вилообразный знак, вокруг — согдийская курсивная легенда, состоящая из двух слов: $\check{\text{c}}\check{\text{s}}\text{пк}$ (или $\check{\text{c}}\check{\text{s}}\text{пy}$) $\text{x[w}\beta\text{]w}$ — чачский правитель (рис. 1, 6). Д — 1,6 см; В — 1,4 г. Канка.

V. Безымянный правитель

Аверс. В линейном круге погрудное изображение правителя с широким лицом в башлыкообразном головном уборе. На шее ожерелье. Справа от лица свастикообразный знак. Изображение дано в три четверти поворота.

Реверс. В центре вилообразный знак. Вокруг — согдийская курсивная легенда плохой сохранности (рис. 1, 2). Д — 1,7 см; В — 1,6 г. Бенакет.

VI. Безымянный правитель

Аверс. В поле, в центре, двустрочная согдийская легенда $\text{xw}\beta$ $\text{t}\delta\text{w}$ (п). Вокруг — следы стертой легенды.

Реверс. В поле посередине вилообразный знак. Вверху, справа и внизу согдийская курсивная надпись. Сопоставление нескольких экземпляров позволяет установить, что она состоит из трех слов: $\text{xw}\beta$ $\text{r}\text{r}\text{п}$ $\beta\text{y}\text{y}$ — «обладающий (обладатель) божественной благодатью правитель». Д — 1,5 см; В — 1,5 г. Канка, Пенджикент.

О. И. Смирнова считала, что надпись на лицевой стороне этих монет трехстрочная $\text{xw}\beta$ $\text{t}\delta\text{w}\text{п}$ $\text{stt}\check{\text{c}}\text{r}$ (?) — «Правитель, тудун, Саттачари»¹³. Однако внимательный просмотр монет показывает, что последнее слово входит в состав круговой, а не центральной легенды. Кроме того, сомнительно чтение этого слова как $\text{stt}\check{\text{c}}\text{r}$ (?). Уверенно читается лишь первое слово — $\text{xw}\beta$ — «государь, правитель». Во втором слове центральной легенды $\text{t}\delta\text{w}\text{п}$ — «тудун» О. И. Смирнова предлагает видеть известный по письменным источникам компонент при именах чачских правителей. Арабы фиксируют его как титул владетелей Чача. Это чтение вероятно, хотя не исключено, что в данном слове отражено имя собственное, которое может читаться как $\text{t}\text{w}\text{п}$ — Тун (?).

Вторая группа

Монеты Кабарны. Они объединены общим династическим знаком типа (рис. 1, 7—10) и по типу изображения отличаются от других чачских монет отсутствием погрудных изображений правителей. На одной из монет В. А. Лившицем прочитано слово $\text{kr}\text{r}\text{пw}$, являющееся согдийской передачей названия одного из городов Чача, который у арабских географов именуется Кабарна¹⁴. По мнению Ю. Ф. Бурякова, раннесредневековый город Кабарна можно отождествить с городищем Кавардан, расположенным в 25 км восточнее Ташкента и в 6 км от г. Янгибазара¹⁵.

Сейчас уже можно выделить четыре типа монет с аналогичным династическим знаком. По этому признаку все они отнесены к чекану Кабарны. Последовательность выпусков неясна и принята условно.

¹³ Смирнова О. И. Каталог..., с. 133—134; ее же. Сводный каталог..., с. 52—53.

¹⁴ Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В. Указ. соч., с. 181—187.

¹⁵ Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 86.

I. Правитель Кавирадн

Аверс. В круге из точек изображение двух лиц. Слева — фигура человека в фас, сидящего со скрещенными ногами. Лицо повернуто вправо, волосы длинные, головной убор конической формы. Правая рука опирается на пояс, левая вытянута вверх и вправо в характерном жесте адорации. Фигура справа прослеживается менее ясно. Мы видим здесь профильное изображение персонажа, сидящего на низкой «скамейке» (трон?). Детали лица и одежды не различимы.

Реверс. В центре — династический знак, плохо сохранившийся, видны лишь три верхних «отростка». По краю монеты располагается круговая легенда согдийским курсивным письмом. Надпись начинается на уровне «10 часов», содержит 15 букв, из которых три первых и последняя не уместились целиком на монетном кружке из-за смещения штемпеля. Надпись можно прочитать следующим образом: (к'w) угдп кргпw хwβ — «Кавирадн, государь Кабарна» (чтение В. А. Лившица) (рис. 1, 8). Д — 2,0 см; В — 1,6 г. Ханабаттепа.

II. Имя правителя стерто

Аверс. Сидящий прямо правитель со скрещенными ногами на коврике (трон?). Голова повернута вправо. В правой руке, согнутой в локте, меч, опущенный вертикально между ногами. В левой руке, отведенной в сторону, какой-то предмет (булава?). Справа у колена — алтарь (?), слева за головой — плохо различимое изображение или надпись.

Реверс. В линейном круге, в центре, династический символ, вокруг курсивная легенда, в которой читаются отдельные буквы: β... (кр) гпw (?) хwβ? — «Б... правитель Кабарны (?)» (рис. 1, 7). Д — 2,0 см; В — 2,3 г. Ханабаттепа.

III. Аверс. В круге из крупных рельефных точек всадник, едущий вправо. В правой руке поводья, левая рука, согнутая в локте, поднята перед лицом (рис. 1, 9).

Реверс. В точечном круге тот же династический символ, под ним двустрочная согдийская надпись, от которой сохранились отдельные буквы. Эту легенду на аналогичной монете из Пенджикентского собрания В. А. Лившиц читает как: (1) δ'уkwгtw или δ'уβwгtw (2) [M]R'Y — «государь Дайвурту» (имя собственное)¹⁶. Д — 2 см; В — 1,5 г. Ханабаттепа, Канка, Кугаиттепа.

IV. Имя правителя не сохранилось

Аверс. В линейном круге — неоседланная лошадь, идущая вправо. Передняя левая нога приподнята и согнута в колене. Над лошадью полумесяц с точкой.

Реверс. В точечном круге в центре тот же династический знак. Под ним — согдийская легенда, плохо сохранившаяся (рис. 1, 10).

Третья группа

Монеты этой группы объединены общим династическим знаком в виде двух полукружий, соединенных двумя параллельными линиями (рис. 1, 11—13). Данный знак в некоторой степени схож с тамгой на древнеачских монетах. Определенное сходство, точнее продолжение иконографических традиций последних монет, наблюдается и на одном типе этой группы, где в отличие от всех раннесредневековых монет

¹⁶ Чтение согдийских легенд на подавляющем большинстве монет принадлежит В. А. Лившицу, которому автор искренне благодарен.

Чача правитель изображен не в фас, а в профиль, как и на монетах древнечачского чекана. Пока удалось выделить три типа монет данной группы. На двух из них чтение имен правителей: Вийартфарнак и «Шчанийабаг» (чтение В. А. Лившица) — можно считать твердо установленным.

Легенды этой группы, выполненные согдийским курсивом, не стандартны: на одном типе монет они передают номинал и имя правителя — «деньга Шчанийабага», на другом — имя и титул правителя — «государь Вийартфарнак», на третьем — титул, имя и топоним. В последнем четыре буквы могут читаться как *rgnk(t)* — Фаранкатский. Если это так, то монеты данной группы можно считать выпусками города Фаранката, расположенного в четырех фарсах к востоку от Бенаката. Ал-Истахри отмечал, что на расстоянии двух фарсах от Бинката на реке Парак (Чирчик) находится Джигукат, далее в двух фарсах лежит Фаранкат (или Афаринкат)¹⁷. В настоящее время этот раннесредневековый город отождествляется с современным Паркентом, где имеются остатки крупного раннесредневекового городища Ишкурган¹⁸.

1. Правитель «Шчанийабаг»

Аверс. В круге из крупных рельефных точек голова правителя, обращенная вправо. Волосы повязаны лентой, концы которой видны за головой. Над лбом — диадема в виде полумесяца, в ухе серьга. У правителя усы и окладистая борода, начинающаяся под подбородком и спускающаяся на грудь отдельными волнистыми прядями (рис. 1, 11).

Реверс. В линейном круге, в центре, династический символ, вокруг согдийская курсивная легенда, начинающаяся либо на уровне «второго часа»: *ššpu-βu rpu* — «деньга «Шчанийабага», либо на уровне «12 часов»: *rpu ššpu-βu* — «деньга «Шчанийабаг». Д — 1,7 см; В — 1,6 г. Бенакат.

II. Аверс. В точечном круге погрудное изображение правителя в три четверти поворота вправо. Головной убор типа плоской короны, увенчанной в центре полумесяцем на подставке (рис. 1, 12).

Реверс. В центре тот же династический символ. Вокруг — согдийская курсивная надпись. На одной из монет данного типа В. А. Лившиц читает согдийскую легенду как: *[МК?]'Y βu'grgk* — «государь Вийартфарнак». Д — 2,5 см; В — 2,3 г. Канка.

III. Аверс. В точечном круге погрудное изображение правителя в фас, в три четверти поворота влево. На шее ожерелье.

Реверс. В поле, в центре, тот же династический символ. Вокруг — согдийская курсивная легенда. Д — 1,8 см; В — 1,7 г. Канка.

Четвертая группа

Монеты Канки (?). Монеты этой группы объединены общим династическим символом типа (рис. 1, 14—15). Согдийская курсивная легенда сохранилась на всех монетах фрагментарно, поэтому ни имен правителей, ни места их выпуска установить еще не удается. Однако монеты с подобным династическим знаком найдены пока только на городище Канка, что позволяет предварительно считать, что они выпускались правителем этого или близлежащих городов. Во всяком случае, нам не известны находки монет с подобным знаком ни в районе Ташкента, ни в других районах Чача. Пока отмечены два типа монет этой группы.

1. Аверс. В линейном круге погрудное изображение правителя в

¹⁷ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 33; Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч., т. I, М., 1963, с. 231.

¹⁸ Буряков Ю. Ф. Историческая топография..., с. 99—100.

три четверти поворота вправо. На голове обруч, увенчанный в центре полумесяцем с точкой. Такие же знаки расположены над плечами с двух сторон. На шее гривна, иногда с круглой подвеской посередине. На некоторых монетах правитель изображен с зачесанными назад волосами, распадающимися на отдельные пряди.

Реверс. В поле посередине династический символ, под ним — согдийская курсивная надпись, состоящая из двух букв: гс̣ или кс̣. Вокруг знака согдийская курсивная надпись, сохранившаяся фрагментарно, на одной из монет ... рпу (?) тг/к ....., на другой ... хwβ (рис. 1, 14). Д — 1,8 см; В — 1,2 г. Канка.

II. Аверс. Погрудное изображение правителя в панцире в три четверти поворота вправо. Волосы повязаны лентой, развивающиеся концы которой видны за головой слева. Над правым плечом — полумесяц с каким-то знаком. На шее гривна с центральным квадратным медальоном.

Реверс. В поле, в центре, тот же символ. Вокруг — согдийская курсивная легенда, сохранившаяся фрагментарно: βyt ... .. хwβ (рис. 1, 18). Д — 1,7 см; В — 0,8—1,2 г. Канка.

Пятая группа

Пятая группа менее распространена, чем предыдущие. Лицевая сторона на монетах этой группы не сохранилась и пока нет возможности восстановить ее. На оборотной стороне в центре монет изображен династический символ в виде якоря. Над ним и под ним — согдийская курсивная надпись двумя параллельными строками. В верхней строке одно слово — хwβw, нижняя стерта (рис. 1, 16). Д — 1,5—1,6 см; В — 1,5 г. Городище Канка, Ханабадтепа, Бенакат.

Шестая группа

В отличие от всех других, на лицевой стороне этих монет имеется не одиночное, а парное погрудное изображение правителя и правительницы. В свою очередь, монеты этой группы различаются между собой разными головными уборами. К сожалению, согдийские легенды на всех монетах сохранились фрагментарно, что не позволяет пока выделить среди них чекан того или иного правителя. Поэтому невозможно конкретно определить их принадлежность какому-либо из уделов Чача. На одной из монет как-будто возможно чтение топонима śпкпу — чанакский (?). Чанак — название селения на юге Ташкентской области с расположенным в нем крупным раннесредневековым городищем. Однако это чтение весьма гипотетично и требует более весомого подтверждения. Общим для монет данной группы является одинаковый династический знак типа (рис. 1, 17—21), проставленный на монетах разных типов.

Принятая при описании монет последовательность условна, поскольку среди них пока невозможно выделить более ранние или более поздние типы.

I. Аверс. В круге из точек погрудное изображение двух персонажей. Левый — с непокрытой головой, волосы повязаны лентой. Правый — в головном уборе с «зубчиками», в центре — петля.

Реверс. В поле династический знак. Между ножками основания знака — свастика. От круговой легенды согдийским курсивом сохранилось одно слово, расположенное под знаком — ... βду̣с̣/п п/г (рис. 1, 18). Д — 2 см; В — 1,9 г. Канка.

II. Аверс. В круге из точек погрудное изображение двух персонажей. Левый — в высоком коническом головном уборе, правый — в тюрбане. Между ними — точка.

Реверс. В поле династический знак. Вокруг согдийская курсивная легенда ... пк хwβ δ/λ ... (рис. 1, 17).

III. Аверс. В круге из точек погрудное изображение двух персонажей. Правый с непокрытой головой, левый — неразличим.

Реверс. В поле династический символ. Вокруг — согдийская курсивная легенда, которая по двум экземплярам восстанавливается как yп/z у/β шкпу хwβ — «... правитель Чанака» (?) (рис. 1, 19). Д — 2,0 см; В — 1,9 г. Канка, Актепа Юнусабадское.

IV. Аверс. В круге из точек погрудное изображение двух персонажей, слитых верхней частью лица. Оба без головных уборов. У левого персонажа — усы, опущенные книзу.

Реверс. Тот же династический знак. Остатки согдийской легенды хw ... (рис. 1, 20). Д — 1,9 см; В — 1,6 г. Канка.

V. Аверс. В линейном круге погрудное изображение двух персонажей. У левого головной убор неразличим, правый — в трехконечном головном уборе.

Реверс. В поле тот же династический символ. Вокруг — остатки согдийской легенды (рис. 1, 21). Д — 2,1 см; В — 1,4 г. Ханабадтепа.

Таким образом, анализ монетных находок с территории Ташкентской области позволил выделить шесть основных групп монет VII — первой половины VIII в. н. э., которые различаются между собой династическими знаками, иконографией, символами и головными уборами правителей. Уже это позволяет предположить, что данная область в тот период не представляла собой единого целого в политическом отношении.

Прочтение на двух группах монет (первой и второй) названий уделов Чач и Кабарна превращает это предположение в твердо установленный факт. Итак, можно считать, что современная Ташкентская область — средневековые Чач и Илак — в раннее средневековье состояла из шести основных уделов, вероятно, политически и экономически самостоятельных.

По количеству монет и разнообразию их типов преобладает чекан Чача, что, видимо, с одной стороны, отражало ведущую роль монетной чеканки этой области, а с другой, — более высокое иерархическое положение ее правителей. Однако монетные легенды ничего подобного не фиксируют. Правители на всех шести группах монет имеют равнозначный титул — хwβ — «правитель, государь», менее значимый, чем титул MLK' — «царь». Последний титул, однако, не зафиксирован ни на монетах Чача, ни на монетах других уделов.

Уместно поэтому сравнить соотношение титулов в этой и других областях Средней Азии, в частности в Согде и Хорезме, где наряду с чеканом верховных правителей имелся и чекан мелких уделов. В Согде, к примеру, верховный правитель на монетах именовался титулом царь (šyšnyg MLK'), тогда как правители мелких уделов — хwβ или MR'Y^{19} . Царь Хорезма носил двойной титул «владелец-царь» (MK'Y MLK' k'пук — владелец-царь Каник), а правители мелких уделов просто — «владелец» (MR'Y хwt'w)²⁰.

Следовательно, различие в иерархическом положении правителей высшего и низшего рангов здесь подчеркивалось достаточно четко. На монетах Чача подобной картины не фиксируется. Возможно, это означает, что политический статус каждого из уделов был равнозначным, а правители их считали себя не ниже правителя Чача. Во всяком случае, допустимо предположить, что здесь внутривластная структура была несколько иной, чем в Согде и Хорезме, где правители мелких самостоятельных уделов признавали верховную власть царя, также имевшего свой удел и бывшего по существу «владельцем владельцев»²¹.

¹⁹ Смирнова О. И. Каталог..., с. 30—31.

²⁰ Зеймаль Е. В. Политическая история Древней Трансоксианы по нумизматическим данным. — В сб.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье, Л., 1978, с. 211—213; Вайнберг Б. И. Титулы правителей домусульманского Хорезма. — ЭВ, 1972, вып. 21, с. 18—22.

²¹ Зеймаль Е. В. Указ. соч., с. 211.

Правитель Чача, если и занимал по каким-то причинам временно более высокое положение, чем правители других уделов, то в целом был «равным среди равных». В мугском документе А-14 вначале упоминается чачский государь — $\check{\text{c}}\text{y}\text{p}\text{k}$ $\text{xw}\beta$, а затем — тудун — $\text{t}\delta\text{w}\text{p}$.

В. А. Лившиц считал, что наряду с тудуном , резиденцией которого был Тарбанд (современный Отрар), существовал и местный династ — «государь Чача» с резиденцией в Чаче — Бинкате ²². С. Г. Кляшторный настаивает на идентичности « тудуна » и «государя Чача»²³. Вопрос этого сложен, но для нас важно, что и в этом письме правитель Чача именуется титулом $\text{xw}\beta$ — «правитель, государь», а не царем — MLK . Возможно, впрочем, что чачское владение в то время, т. е. в 712—715 гг., уже играло ведущую роль, коль скоро Деваштич направил свое послание правителю Чача, а не правителю соседних с ним уделов.

В заключение следует отметить, что титулатура правителей ранне-средневекового Чача сложилась в основном под влиянием Согда . Во всяком случае, тюркский титул тудун , которым именовался правитель Чача в письменных источниках, на монетах отсутствует. Правда, О. И. Смирнова на одном типе монет под словом $\text{xw}\beta(\text{w})$ читала слово $\text{t}\delta\text{w}\text{p}$, полагая, что правитель, выпускавший данные монеты, носил двойной титул — согдийско-тюркский — $\text{xw}\beta(\text{w})$ $\text{t}\delta\text{w}\text{p}$. Однако чтение это небезупречно, а если и правомерно, то не меняет общего положения вещей, поскольку эти монеты исключительно редки.

Э. В. Ртвеладзе

**ИЛК УРТА АСР ЧОЧ ШАҲРИ ТАРИХИГА
ОИД НУМИЗМАТИК МАТЕРИАЛЛАР**

Мақолада Тошкент области территориясида топилган 6 группа қадимий тангалар характеристикаси берилган. Уларни ўрганиш асосда илк ўрта аср Чоч шаҳри тарихига онд қатор мулоҳазалар баён этилган.

²² Лившиц В. А. Согдийский посол в Чаче (документ А-14 с горы Муг).— СЭ, 1960, № 2, с. 100—101.

²³ Кляшторный С. Г. Указ. соч., с. 159—161.

П. Г. БУЛГАКОВ

ИБН ХАЛДУН И АБУ КАМИЛ О ХОРЕЗМИ

Мухаммад ибн Муса Хорезми по праву считается фундаментатором алгебры как науки. Само слово «алгебра» происходит от названия его знаменитого алгебраического трактата «Китаб ал-джабр ва-л-мукабала». Заслуги его в этой области общепризнаны. Так, Дж. Сартон именовал всю первую половину IX в. в истории мировой науки эпохой Хорезми, а его самого — как «величайшего математика своего времени, и, если принять во внимание все обстоятельства, одного из величайших всех времен»¹.

Однако в последнее время турецкий ученый А. Сайили без оснований поставил под сомнение приоритет Хорезми в создании первого на Востоке специального труда по алгебре. Им был обнаружен и издан алгебраический трактат «Необходимость в составных уравнениях» Абу-л-Фадла Абдалхамида ибн Васи'а ибн Турка ал-Хуттали. Не имея никаких сведений о датах жизни ал-Хуттали и тем более о времени написания им этого труда, С. Сайили на основании гипотетического отсчета лет от времени жизни внука ал-Хуттали пришел к выводу, что ал-Хуттали был современником Хорезми и что именно он «был первым мусульманским математиком, написавшим книгу по алгебре»².

Между тем мы имеем свидетельства средневековых авторов, живших ближе нас к эпохе Хорезми и располагавших более широким, чем мы, кругом источников, утверждавших именно за Хорезми право считаться основоположником арабоязычной алгебраической литературы.

Так, знаменитый тунисский историк и социолог XIV в. Ибн Халдун в своем выдающемся труде «ал-Мукаддима» отводит ряд глав классификации наук. Выделяя алгебру в самостоятельную отрасль математики, он пишет: «Первый, кто написал книгу по этой отрасли — Абу Абдаллах [Мухаммад ибн Муса] ал-Хорезми, а после него — Абу Камил Шуджа' ибн Аслам. Книга ал-Хорезми о шести типах [алгебраических] задач принадлежит к числу лучших книг, составленных в этой области. Ее комментировали многие из жителей ал-Андалуса³ и сделали это хорошо. К числу лучших ее комментариев относится книга ал-Кураши⁴. До нас дошло, что некоторые выдающиеся математики из жителей Востока [впоследствии] разработали число действий [с алгебраическими уравнениями] большее, чем эти шесть основных типов, и довели их до двадцати с лишним. Для всех них они выработали решения и снабдили их геометрическими доказательствами»⁵.

Упомянутые здесь шесть типов алгебраических задач — это шесть канонических уравнений Хорезми:

1) $cx^2 = bx$	— «квадраты равны корням»,
2) $cx^2 = a$	— «квадраты равны числам»,

¹ Sarton G. Introduction to the History of Science. I. Baltimore, 1927, p. 563.

² Sayili A. The Turks and the Sciences. Istanbul, 1976, p. 27.

³ Т. е. арабской Испании.

⁴ Данных об этом лице обнаружить не удалось; труд его, видимо, утерян.

⁵ مقدمة العلامة ابن خلدون، القاهرة، ١٣٢٢ هـ، ٠٢٦٣

3) $bx = a$	— «корни равны числу»,
4) $cx^2 + bx = a$	— «квадраты и корни равны числам»,
5) $cx^2 + a = bx$	— «квадраты и число равны корням»,
6) $bx + a = cx^2$	— «корни и число равны квадратам».

Как упоминает Ибн Халдун, вторым после Хорезми, кто написал книгу по алгебре, был Абу Камил Шуджа' ибн Аслам. Он жил в период между 850—930 гг., происходил из Египта и был выдающимся математиком своего времени. В своем алгебраическом трактате, который, как и труд Хорезми, назывался «Китаб ал-джабр ва-л-мукабала», Абу Камил опирался на шесть канонических типов уравнений, выделенных Хорезми, но в отдельных случаях и в теории, и в решении задач он пошел дальше своего великого предшественника. В частности, кроме простого числа, квадрата и корня, он рассматривает куб неизвестной, четвертую, пятую, шестую и восьмую степени. Абу Камил дает способы умножения алгебраических двучленов, умножения и деления квадратных корней, рассматривает квадратичные иррациональности как числа, объекты арифметической природы⁶.

Алгебраический трактат Абу Камилы дошел до нас лишь в латинском и древнееврейском переводах, но его застал в арабском оригинале турецкий библиограф первой половины XVII в. Хаджжи Халифа и по счастливой случайности привел в своем библиографическом своде цитату из предисловия к трактату (в арабском же оригинале), где Абу Камил говорит: «Воистину, книга Мухаммада ибн Мусы [Хорезми], известная под названием «Китаб ал-джабр ва-л-мукабала», — самая верная по своей основе и самая правильная по сравнению [с другими]. И должно нам прежде всего предпослать это и утвердить за ним славу и достоинство, ибо он был первым автором (sic!) «Китаб ал-джабр ва-л-мукабала», начинателем сего и первооткрывателем содержащихся в ней основ»⁷.

Высказывания Абу Камилы и Ибн Халдуна об исторической роли Хорезми как основоположника алгебраической литературы, а, следовательно, и самой алгебры на Востоке, не находят себе возражений или противоречий в средневековых первоисточниках. Поэтому утверждения А. Сайили представляются нам бездоказательными и неприемлемыми.

Высказывания Абу Камилы и Ибн Халдуна свидетельствуют также о том, что и в X, и в XIV в. авторитет Хорезми и его заслуги перед наукой высоко чтились не только в Азии, но и в далекой от его родины Африке.

П. Г. Булгаков

ИБН ХАЛДУН ВА АБУ КОМИЛ ХОРАЗМИЙ ҲАҚИДА

Мақолада Муҳаммад ибн Мусо Хоразмийнинг алгебраик адабиёт асосчиси эканлигини ишончли равишда тасдиқловчи ўрта аср таниқли муаллифларнинг маълумотлари келтирилади.

⁶ Юшкевич А. П. История математики в средние века. М., 1961, с. 208—217; Матвиевская Г. П. Учение о числе на средневековом Востоке. Ташкент, 1967, с. 171—174.

⁷ حاجی خلیفہ، کشف الظنون عن اسامی الکتب و الفنون، اصطنبول،
۱۳۱۰ هـ، ج ۲، ص ۲۸۱.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Современный этап развития социалистического общества характеризуется всеохватывающим влиянием научно-технического прогресса на все стороны жизнедеятельности человека. В развитии общественного производства отчетливо обозначились две тенденции — влияние на формирование и развитие человека как участника производства технических систем и процессов и отношение человека к условиям, характеру и содержанию труда.

Указанные взаимопроникающие тенденции обуславливают усиление влияния социальных факторов на эффективность производства. Устанавливается тесная взаимосвязь элементов системы научно-технический прогресс—эффективность общественного производства—социальные факторы. Возрастание роли третьего элемента этой системы обусловлено всем ходом и логикой развития производительных сил на современном этапе.

Анализ роли, интенсивности и направления действия социальных факторов позволяет открыть новые пути роста эффективности общественного производства.

В советской экономической литературе сейчас уже не дискутируется вопрос о том, что эффективность общественного производства имеет не только экономическое, но и социальное содержание, обуславливается факторами не только технологического, но и социального порядка.

Тем не менее в существующих работах по данной проблеме теоретико-методологическая проблематика, на наш взгляд, раскрыта недостаточно. Очевидно, к изучению влияния социальных факторов на эффективность производства надо подходить с пониманием их исторически конкретной роли, двигаясь от рассмотрения наиболее общих закономерностей социалистической экономики к постепенной конкретизации роли социальных факторов в пределах определяемого исторического времени и места, применительно к различным уровням хозяйствования. По существу это сложный общественный процесс. В изучении таких процессов «требуется в первую голову и больше», чем где бы то ни было, изображение процесса в целом, учет всех тенденций и определение их равнодействующей или их суммы, их результата»¹.

В. И. Ленин подчеркивал, что в вопросах общественной науки самое важное — «не забывать основной исторической связи...»², видеть каждое явление в общей цепи развития, ибо единичные факты. «если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны...»³, пониманию этого целого не способствуют.

Исходя из этих ленинских методологических установок, попытаемся выяснить роль и значимость социального фактора применительно к условиям зрелого социализма, их влияние на эффективность общественного производства.

Роль социального фактора достигает своего высшего проявления лишь при социализме, ибо только социалистическое общество, делая развитие человеческих сил своей главной целью, превращает труд из тяжелой обязанности в дело творчества. Уже сам коммунистический строй становится господствующим условием прогресса производительных сил, фактором, ускоряющим развитие всей общественной системы.

Таким образом, социальный фактор на уровне способа производства представляет собой, вообще говоря, общественные условия, строй, определяющий форму собственности на средства производства.

Социальные факторы действуют на всех этапах социалистического строительства, однако наибольшей полноты и степени развитости они достигают в условиях зрелого, развитого социализма. Именно поэтому эффективность общественного производства приобретает огромную значимость в период развитого социализма, перерастая по существу в социально-экономическую эффективность общественного производства, так как для развитого социализма характерно не только наличие огромного научно-технического потенциала нашей страны, но и действие целого ряда социальных факторов. К их числу можно отнести как факторы общезначимые, т. е. действующие в условиях и антагонистических формаций (мотивация труда, моральное стимулирование, трудовая адаптация, межличностные отношения и др.), так и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 195—196.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

факторы, присущие только коммунистическому способу производства (самоотверженность и энтузиазм, новое отношение человека к труду, свободному от эксплуатации в условиях социалистических производственных отношений, и др.). Вообще говоря, это комплекс социальных, социально-психологических факторов, которые, действуя в совокупности с факторами технико-экономического порядка, образуют мощную силу подъема эффективности производства.

Социалистические производственные отношения определяют качественно иной, чем при капитализме, характер действия социальных факторов, являются исходным условием, в рамках которого возможно и необходимо интенсивное использование указанной группы факторов. Общество зрелого социализма, будучи новым, высшим этапом развития современной социальной действительности, есть одновременно и новый этап в развитии социального фактора. Значение социального фактора в повышении эффективности общественного производства продолжает возрастать, обуславливая необходимость его научного постижения.

Большое значение в этом смысле имеет социальная характеристика общественного производства. Именно направленность социалистического производства на обеспечение благосостояния всех членов общества и создание условий для всестороннего развития личности есть самая характерная социальная черта производства.

В социальных факторах развития производства как ни в одной другой системе факторов в наиболее отчетливой форме фокусируется обусловленность их действия характером производственных отношений, наилучшим образом прослеживается социальная обусловленность производственной деятельности.

Социалистические производственные отношения определяют необходимость и обеспечивают возможность неуклонного повышения эффективности общественного производства. Все более широкое вовлечение в орбиту народнохозяйственного планирования процесса совершенствования производственных отношений в форме учета возрастающего действия социальных факторов в иной плоскости ставит задачу разработки теоретических и практических проблем повышения эффективности общественного производства на этапе развитого социализма, совершенствования методологии ее расчета. Вместе с тем здесь совершенно очевидно просматривается взаимосвязь указанных проблем — совершенствования народнохозяйственного планирования и методологии расчета эффективности общественного производства.

Учет влияния социальных факторов на эффективность производства существенно обогащает содержание данной категории. В этом случае можно говорить о различении эффективности производства в широком и узком смысле. Под эффективностью производства в широком смысле следует понимать эффективность способа производства, т. е. социально-экономическую эффективность. Речь идет о включении в определение данной категории новых факторов, влияющих на взаимоотношения людей в процессе производства материальных благ, на их отношение к труду, т. е. факторов, отражающих дальнейшее совершенствование социалистических производственных отношений. Факторы эти постепенно и повсеместно становятся объектом планирования и управления, что само по себе уже является способом совершенствования производственных отношений. Категория социально-экономической эффективности, следовательно, более точно отражает усиление взаимосвязи между развитием производительных сил и совершенствованием производственных отношений. Именно в таком понимании социально-экономическая эффективность становится критерием развития способа производства.

Категория социально-экономической эффективности занимает одно из центральных мест в системе категорий политической экономии социализма. Выяснение этого места, установление взаимосвязей с другими категориями приобретают в современных условиях важное значение для анализа практических проблем повышения эффективности производства.

Социально-экономическая эффективность общественного производства как категория политической экономии отражает реальные отношения участников процесса производства по поводу использования имеющихся ресурсов производства и полученного результата в определенных конкретно-исторических общественных условиях. Экономический смысл категории социально-экономической эффективности производства состоит именно в том, что она с учетом действия социального фактора более полно отражает степень результативности процесса производства.

Социально-экономическая эффективность как политэкономическая категория предполагает, что планомерно организованное производство осуществляется, по словам В. И. Ленина, «для обеспечения *полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества*». Из этого ленинского положения следует, что неотъемлемой чертой эффективности является не только полное обеспечение человека материальными благами, но и его всестороннее развитие. Это значит, что категория эффективности социалистического производства включает в себя как экономические категории материального производства, так и соотношение между свободным и рабочим временем, сознательное отношение к труду, улучшение условий труда и многие другие категории, по преимуществу социального содержания.

Итак, социально-экономическая эффективность производства — это прежде всего

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 232.

политико-экономическая категория, а не какой-либо конкретный экономический счетный инструмент и как политико-экономическая категория она отличается от таких локальных показателей использования ресурсов, как производительность труда, фондотдача, материалоемкость, прежде всего своей всеобщностью. Она отражает эффективность способа производства, степень использования всех ресурсов общества, а не какого-либо одного вида ресурса.

Только при конкретно-историческом подходе к изучению эффективности общественного производства возможно создание теоретического представления о ней не просто как о равнодействующей суммы каких-либо факторов, условий производства на определенном отрезке времени, но как о динамическом целом, в котором взаимодействуют, противоборствуя или совпадая друг с другом, различные по своим характеристикам и природе силы. факторы.

С введением в круг определения категории «эффективность общественного производства» взаимозаменяемости и социальной обусловленности ряда факторов, определяющих эффективность, с введением единства всех элементов, образующих эффективность, — единства диалектического, включающего в себя борьбу различных, а порой и противоположных начал и тенденций, — значительно обогащается теоретическое содержание данной категории. Только в этом случае можно говорить об адекватности отражения реальной экономической действительности категорией «эффективность общественного производства».

В движении мысли от философско-экономических проблем развития производительных сил во взаимосвязи с процессом совершенствований производственных отношений ко все более конкретной «материи» этого развития раскрывается проявление социального фактора как на уровне способа производства, так и на первичном уровне хозяйствования (предприятие, объединение).

Таким образом, указание партии на возрастающую роль социальных факторов в развитии производства и повышении его эффективности⁵, установка партийных съездов «на решительный переход к преимущественно интенсивным факторам экономического роста — установка на подъем эффективности и качества всей работы»⁶ представляет собой одну из важнейших задач, поставленных партией перед экономической наукой, в изучении проблем эффективности общественного производства.

В. М. Радченко

⁵ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 123.

⁶ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 32.

ЗАБОТА КОЛХОЗНИКОВ УЗБЕКИСТАНА О СЕМЬЯХ ФРОНТОВИКОВ И ЭВАКУИРОВАННЫХ ДЕТЯХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В грозные годы Великой Отечественной войны с особой силой проявились горячий патриотизм и интернационализм многонационального советского народа, в том числе тружеников городов и сел Советского Узбекистана. Эти воспитанные Коммунистической партией, всей нашей социалистической действительностью замечательные качества советских людей ярко выразились, в частности, во всенародной заботе о семьях фронтовиков и особенно об эвакуированных детях.

Несмотря на огромные трудности военного времени, Коммунистическая партия и Советское правительство делали все возможное для улучшения материально-бытовых условий семей фронтовиков, обеспечения их продуктами, обувью, одеждой, выделяя на эти цели крупные средства.

Семьям военнослужащих предоставлялись льготы по налогам и государственным поставкам сельскохозяйственных продуктов. Жены военнослужащих освобождались от налога за бездетность. Хозяева призванных на военную службу колхозников, рабочих, служащих были освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога. В 1943 г. Центральный Комитет нашей партии принял специальное постановление «Об удовлетворении материально-бытовых нужд семей военнослужащих»¹.

Теплом и заботой окружали семьи фронтовиков трудящиеся и общественные организации Узбекской ССР, в том числе сельские труженики.

На предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах семьи военнослужащих брались на учет и получали самую разнообразную помощь, в том числе денежные средства для ремонта жилищ, заготовки топлива и др. Детей фронтовиков устроивали в ясли и детские сады, для них создавались пункты бесплатной раздачи молока и других продуктов. Колхозы и совхозы выдавали семьям фронтовиков продовольствие, отводили им земельные участки под огороды и т. д.

В Узбекистане инициаторами оказания широкой помощи семьям фронтовиков выступили женщины колхоза им. Ленина Ташкентского сельского района. По инициативе секретаря райкома партии по работе среди женщин Назиры Джалиловой колхозники района своими силами отремонтировали к 26-й годовщине Октября свыше 100 квартир семей военнослужащих, завезли для них 850 сажень топлива, создать продовольственный фонд из 40 т овощей и зерна, собрать в колхозах 700 кож и изготовить из них для детей фронтовиков обувь, для чего в каждом крупном кол-

¹ История Узбекской ССР. Т. IV. Ташкент, 1968, с. 142.

хозе организовать сапожные мастерские². Эта патриотическая инициатива встретила горячий отклик у сельских тружениц республики.

Только в Ферганской области в 1941—1942 гг. 18 тыс. семей фронтовиков получили материальную помощь. 1890 семьям были установлены пособия и предоставлены льготы. Более 5 тыс. человек устроено на работу. Отремонтировано 4733 квартиры, выдано 16 165 ордеров на топливо, 8 тыс. детей обеспечены одеждой и обувью. 4140 семей — овощами и продуктами. В детские сады и ясли устроено 8 тыс. детей³.

В Самаркандской области в 1942 г. 28 597 семьям военнослужащих было выплачено 5 575 430 руб. пособий и 46 844 руб. единовременных денежных пособий⁴. А в 1943 г. 32 512 семьям военнослужащих была оказана денежная помощь в сумме 1 795 424 руб., зерном — 2445 ц, овощами — 1401 ц, сухофруктами — 1568 ц, скотом — 7834 головы, отремонтировано около 3 тыс. квартир. При областном военкомате был создан денежный фонд в 400 тыс. руб. для оказания помощи семьям фронтовиков⁵.

Среди населения республики на добровольных началах были собраны крупные денежные средства для оказания помощи семьям фронтовиков. Так, в июне 1943 г. в этот фонд только от трудящихся Кокандского района Ферганской области поступило 150 тыс. руб.⁶

В сотнях колхозов Узбекистана развернулось движение за сверхплановый засев земель, урожай с которых поступал в фонд помощи семьям участников войны. Так, в Багдадском районе Ферганской области с этой целью было засеяно 40 га, в Ташкентском — 115 га⁷.

В Бухарской области в 1943 г. 226 семей военнослужащих получили единовременные пособия на общую сумму более 36 тыс. руб.; было отремонтировано 3903 квартиры семей фронтовиков⁸.

Звеньева Шарипова из колхоза «Коммунизм» Фрунзенского района на митинге, посвященном оказанию помощи семьям фронтовиков, сказала: «Я каждый день собираю 85—90 кг хлопка при норме 50 кг. Это, однако, меня не удовлетворяет. Я и мое звено будем работать еще лучше, чтобы помочь Красной Армии громить ненавистного врага. Я вношу в фонд помощи семьям фронтовиков 10 кг пшеницы, 15 кг урюка»⁹.

За годы войны сельские труженики Кашкадарьинской области собрали для 30 016 семей военнослужащих деньгами 2 млн. 641 тыс. руб., 3210 голов рогатого скота, свыше 20 ц зерна, 10 т овощей и отремонтировали 1445 квартир¹⁰.

Только в 1943 г. 671 семья фронтовиков Хорезмской области была обеспечена необходимым продовольствием, 1516 — одеждой, 674 — обувью и 106 семей — постельными принадлежностями¹¹.

Сельские труженики Ташкентской области в том же году выделили нуждающимся семьям фронтовиков 73 500 пудов зерна, около 200 пудов овощей, 10 тыс. голов овец и коз, около 2000 голов крупного рогатого скота, отремонтировали свыше 6000 квартир и оказали помощь в строительстве 349 новых домов¹².

Для тщательного обследования жилищно-бытовых условий семей фронтовиков во многих колхозах Ташкентского сельского района были созданы бытовые комиссии, которые проводили большую работу по оказанию помощи семьям фронтовиков. Например, в колхозах им. Ленина, им. Пушкина и других они помогли всем семьям военнослужащих оформить документы для получения пособий.

В Наманганской области из народного продовольственно-вещевого фонда семьям фронтовиков было выдано: денег — 1 млн. 271 тыс. руб., одежды — 17 588 предметов, обуви — 3608 пар, топлива — 523 т, тканей — 27 463 м, зерна — 343 т, овощей — 111 т, крупного рогатого скота — 1029 голов, мелкого — 1509 голов, а также отремонтировано 19 336 квартир¹³.

Огромную помощь оказывали партийные, советские организации, трудящиеся республики детям фронтовиков. В Фергане, Ташкенте, Самарканде и других городах для больных детей было организовано усиленное питание, многие из них направлены в лагеря и санатории. Государство брало тысячи детей на полное обеспечение, создавало все условия для их нормального развития и учебы, бережно охраняло их здоровье.

В конце 1944 г. развернулось массовое движение за создание фонда помощи нуждающимся школьникам — детям фронтовиков. Инициатором этого почин выступила колхозная общественность Акчинского сельсовета Ферганской области. Пат-

² «Правда Востока», 1943 г., 20 октября.

³ «Ферганская правда», 1943 г., 12 февраля.

⁴ Коммунистическая партия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Летопись событий. Ташкент, 1980, с. 91.

⁵ Ефимов В. И. Патриотические подвиги трудящихся Самаркандской области в годы Великой Отечественной войны. Самарканд, 1962, с. 127—129.

⁶ «Правда Востока», 1943 г., 10 июля.

⁷ «Ферганская правда», 1943 г., 12 февраля.

⁸ «Красная Бухара», 1943 г., 20 октября.

⁹ «Правда Востока», 1943 г., 21 октября.

¹⁰ Кашкадарьинский облгосархив, ф. 133, оп. 3, д. 25, л. 78.

¹¹ Хорезмский облгосархив, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 2.

¹² Аминоза Р. Х. Колхозное крестьянство Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Ташкент, 1979, с. 305.

¹³ «За коммунизм», 1945 г., 18 января.

риотическое начинание актинцев подхватило все колхозное крестьянство республики.

Выступая на общем собрании, посвященном созданию фонда помощи нуждающимся детям фронтовиков, председатель колхоза им. Андреева Ленинского района Ходжаев говорил: «Когда мы провожали своих сыновей и братьев на фронт, мы обещали им заботиться об их детях. Создадим все условия для того, чтобы дети хорошо учились и воспитывались. Я вношу в фонд нуждающихся детей 50 кг зерна, 1000 рублей и берусь на свои средства обеспечить одеждой и обувью пять нуждающихся учеников». Следуя примеру председателя, колхозники и колхозницы быстро собрали 500 кг пшеницы, 10 кг масла, 30 кг сухих фруктов, 2 кг чая, 2 барана, 500 руб. деньгами и 50 м мануфактуры¹⁴.

В колхозах Ферганского района свыше 300 учащихся получили одежду, около 200 школьников — обувь. Благодаря оказанной нуждающимся школьникам помощи посещаемость занятий в школах района повысилась до 85%¹⁵.

В сельхозартелях «Кизил Узбекистон», «Кахраман», «Кизил Октябрь» и других Джамбайского района Самаркандской области был создан фонд всеобуча из средств культурного фонда колхозов и личных средств колхозников и колхозниц. Ими было выделено 40 тыс. руб. деньгами, 40 ц зерна, 20 ц овощей, 6 ц сухих фруктов, 3 ц сахара, 60 кг жиров, 250 м мануфактуры, 25 пар обуви¹⁶.

Успешно шел сбор средств в фонд всеобуча в колхозах Китабского района Кашкадарьинской области. За несколько дней здесь было собрано 2150 кг пшеницы, 3 ц риса, 1 ц кунжута, 1,5 т овощей и другие продукты, а также 145 комплектов одежды, 45 м мануфактуры и 15 тыс. руб. для приобретения детской обуви и одежды¹⁷. Помимо этого, колхозницы помогли школам организовать горячие завтраки. Было засеяно для нуждающихся школьников 2,5 га зерновых площадей и огородов. Колхозники Андижанского, Ленинского, Джалалкудукского, Ворошиловского и других районов Андижанской области внесли в фонд всеобуча немало различного продовольствия и денег, а также помогли в обеспечении школ дровами. Кроме того, они решили снабдить одеждой и продуктами учителей — бывших фронтовиков.

Особой любовью и заботой окружил узбекский народ более миллиона эвакуированных из прифронтовых районов страны, в том числе сотни тысяч детей разных национальностей¹⁸.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на торжественном заседании ЦК КПУз и Верховного Совета УзССР, посвященном 40-летию образования республики, сказал: «Все советские люди хорошо помнят и о том, что узбекский народ по-братски, как для родных, открыл двери своих домов, приютил и помог обжиться миллионам женщин и детей, престарелым нашим отцам и матерям, кого суровая война заставила временно покинуть свои родные места, свои фабрики и заводы, поля. Этого, товарищи, не забыть никогда»¹⁹.

В связи с массовой эвакуацией детей из западных районов страны женщины Ташкента обратились 2 января 1942 г. с призывом ко всем женщинам Узбекистана проявить заботу об эвакуированных детях. «Выполним наш братский долг перед русским народом, перед народами Украины, Белоруссии, — писали они, — еще выше поднимем знамя интернационализма и братской дружбы народов Советского Союза. Пусть растут и крепнут советские дети — наша радость, наше будущее. Развернем в Узбекистане всенародное движение по оказанию общественной помощи эвакуированным и беспризорным детям. Пусть каждая семья рабочего, колхозника, служащего, интеллигента, пусть каждое предприятие, колхоз и совхоз примут деятельное участие в их устройстве и воспитании»²⁰.

В организации помощи эвакуированным детям важную инициативу проявили женщины-общественницы, коммунистки, передовики колхозного производства.

Так, с помощью женщин-активисток к февралю 1942 г. Бухарская областная комиссия собрала 525 тыс. руб. деньгами, 207 ц продуктов питания, 20 547 предметов детской одежды²¹. В Пахтабадском районе Андижанской области общественницы-колхозницы собрали 3 т шалы, 2,5 т пшеницы, 82 тыс. ед. разной детской одежды²².

В Ташкентской области было собрано 36 210 детских вещей и 54 400 руб. деньгами. Сельские труженики Самаркандской области собрали для эвакуированных детей 30 200 руб. и свыше 5 тыс. шт. детской одежды²³.

4 февраля 1942 г. «Правда» писала: «...Еще больше заботы о детях! Больше контроля партийных и общественных организаций над работой наших детских учреждений! Самой широкой общественной помощи детям!» В связи с обращением газеты «Правда» во всей стране, в том числе в Узбекистане, значительно увеличи-

¹⁴ «Правда Востока», 1945 г., 24 февраля.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Правда Востока», 1945 г., 1 декабря.

¹⁷ «Правда Востока», 1945 г., 24 февраля.

¹⁸ Рашидов Ш. Р. Идеологическую работу — на уровень современных требований партии. — «Правда Востока», 1973 г., 2 марта.

¹⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 1. М., 1970, с. 38.

²⁰ «Правда Востока», 1942 г., 4 января.

²¹ Архив Минпроса УзССР, ф. Управление детдомами, оп. 359, д. 285, л. 100.

²² Там же, л. 101.

²³ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 8, д. 5575, л. 29.

ся сбор средств и вещей для детей. Уже в марте 1942 г. только в Бухарской области было собрано 86 658 руб., 17 149 детских вещей и 170 ц различных продуктов²⁴. По КК АССР было собрано 72 тыс. различных детских вещей и 207 400 руб. деньгами²⁵.

Помимо сбора средств и вещей для эвакуированных детей, труженики сельского хозяйства республики засеяли для подсобных хозяйств детских домов 1037 га лучшей земли. По неполным данным Наркомпроса УзССР, на октябрь 1943 г. детские дома с помощью колхозов приобрели 108 лошадей, 297 голов крупного рогатого скота, 598 баранов и коз²⁶.

Колхозники Янгйюльского района Ташкентской области выступили инициаторами движения за организацию в колхозах детских домов для эвакуированных детей. Они оборудовали в 9 колхозах детские дома на 103 человека. Труженики колхоза «Шарк Юлдузи», руководимого Хамракулом Турсункуловым, подготовили две хорошие комнаты для приема детей и заготовили необходимые продукты²⁷.

Активно поддерживая патриотическое начинание янгйюльцев, колхозники Ташкентского сельского района организовали детдом на 50, Калининского района — на 45 детей. Члены сельхозартели им. Энгельса Наманганской области разместили в благоустроенных помещениях 120 детей²⁸.

Всего до 1 июля 1942 г. было размещено по колхозам республики 7000 детей и подростков, в том числе в Ферганской области — 600, в Наманганской — 1300, в Андижанской — 1700, в Самаркандской — 1100, в Бухарской — 500, в Ташкентской — 1800 детей и подростков²⁹.

Тысячи советских людей брали на воспитание сирот и безнадзорных детей. Таким семьям выдавались через местные органы просвещения ежемесячные пособия.

В постановлении бюро ЦК ВЛКСМ от 5 декабря 1941 г. отмечалось, что «забота о детях — это забота о бойцах нашей Красной Армии и Военно-Морского Флота». Постановление призывало молодежь развернуть работу по патронированию детей³⁰.

Многие сельские труженицы приезжали из далеких кишлаков, чтобы взять на воспитание осиротевших детей, окружить их теплом и заботой.

Колхозница Ташкентского района Тутибиди Курбанова, будучи матерью шестерых детей, взяла на воспитание еще одного ребенка и призвала всех колхозниц последовать ее примеру. Только по сельхозартели им. Тельмана этого района взяли на воспитание осиротевших детей 14 женщин³¹.

Председатель колхоза им. Энгельса Самаркандской области Фатима Касимова к шести своим прибавила 12 усыновленных детей различных национальностей. Все они получили высшее и среднее образование, стали активными строителями коммунизма³².

Передовая труженица из колхоза им. XVIII партсъезда Кокандского района Бахри-апа взяла на воспитание десять малышей разных национальностей³³; семья инвалида Отечественной войны Хамида Саматова из поселка Мангит Самаркандской области воспитала 13 осиротевших детей разных национальностей³⁴ и т. д.

Таким образом, колхозное крестьянство Узбекистана, особенно сельские труженики, проявили в суровые годы войны высокое понимание своего гражданского долга, массовые образцы советского патриотизма и социалистического интернационализма, что ярко проявилось и в их огромной заботе о семьях фронтовиков и эвакуированных детях. Это было одним из наглядных проявлений монолитного единства фронта и тыла, всех слоев советского общества, всех народов страны, которое стало одним из решающих факторов нашей Победы.

Н. Ташходжаева

²⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-314, оп. 3, л. 1025, л. 103.

²⁵ Архив Минпроса УзССР, ф. Управления детдомами, оп. 359, л. 285, л. 103.

²⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-94, оп. 5, л. 4215, л. 302.

²⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 8, л. 5575, л. 24.

²⁸ «За коммунизм», 1943 г., 18 января.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 8, л. 5575, л. 9.

³⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. II, М., 1961, с. 559.

³¹ Вавилов Ф. Забота трудящихся Узбекистана об эвакуированных гражданах. — «Общественные науки в Узбекистане», 1975, № 5, с. 56.

³² Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974, с. 117.

³³ Алмаатинская А. В., Авдеева А. И. Свет наших очей. Изд. 2-е, доп. Ташкент, 1971, с. 83.

³⁴ «Известия», 1973 г., 23 февраля.

СИРИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О НАСЛЕДИИ ИБН СИНЫ

В столице Сирийской Арабской Республики Дамаске второй год издается журнал «Ат-Турас ал-араби» («Наследие арабов») — орган союза арабских писателей. Специальный выпуск (№ 4—5) этого объемистого журнала был посвящен 1000-летию юбилею великого ученого-энциклопедиста Востока Абу Али ибн Сины.

Журнал открывается статьей одного из ведущих арабских ученых Ибрагима Мадкура «Ибн Сина между Востоком и Западом» (с. 5—13), где говорится о заслугах Ибн Сины в области науки и прогресса, изучении его наследия как на Востоке, так и на Западе. Кстати сказать, Ибрагим Мадкур уже более 30 лет занимается изучением наследия Ибн Сины и руководил изданием его капитального произведения «Аш-Шифа» («Исцеление»), состоящего из 22 книг.

Далее в номере помещены статьи других крупных ученых. Так, известный ибн-синовец Джордж Шахата Канавати (Анавати), который еще в 1950 г. опубликовал библиографический труд об Ибн Сине, пишет о вкладе ученого в развитие культуры, особенно о роли его классического труда «Канон врачебной науки» в медицине (с. 16—42).

Профессор Дамасского университета Ганем Хана выступил со статьей «Связь новой философии с понятиями разума у Ибн Сины» (с. 43—51). Иззат Маридун в статье «Научная оригинальность и особенность творчества Ибн Сины» (с. 52—59) показывает многогранность его научной деятельности. Он особо останавливается на десятитомной книге Ибн Сины «Арабский язык», а также на медицинской поэме «Урджуза» и многочисленных касыдах.

Статья сирийского ученого Гассана Венаюса «Вопросы философии бытия у Ибн Сины» (с. 60—99) касается многочисленных философских трудов Ибн Сины, как «Аш-Шифа» («Исцеление»), «Ан-Наджат» (Спасение) и многие другие. Здесь же рассматриваются классификация философских наук по Ибн Сине (с. 61), его трактовка понятия бытия, постижения разума (с. 65), необходимо сущего (с. 89) и др.

В статье профессора медицинского факультета Дамасского университета Нашъат ал-Хмарина «Глазное лечение в «Каноне» (с. 100—112) проводится мысль о том, что Ибн Сина был главным образом философом нежели медиком. Статья делится на следующие разделы: 1) Ибн Сина-философ; 2) Ибн Сина-медик; 3) Ибн Сина и его «Канон врачебной науки»; 4) Ибн Сина о глазных заболеваниях; 5) «Канон» и «Урджузы» Ибн Сины; 6) Заслуга «Канона» и др.

Другой профессор Дамасского университета Мухаммад Зухейр ал-Баба в статье «Ибн Сина и современная наука о воде» (с. 114—122) приводит суждения о воде древних греков и арабских ученых, сопоставляя их с мнением Ибн Сины, изложенным в «Каноне».

Теме «Научный метод Ибн Сины в познании особенности лекарств» (с. 123—129) посвящена статья ученого из Алжира Ахмад Арвата.

Статью «Роль двух произведений Ибн Сины в прививании уроков по медицине в Марокко в средние века» (с. 130—159) и четыре приложения к ней представил марокканский ученый Мухаммад ал-Мамун. Первое и второе приложения посвящены большой поэме о медицине Ибн Сины, комментарий к которой написал Ибн Махна в своей книге «Шарх Ибн Махна» («Комментарий Ибн Махна»). Третье (с. 148—149) — посвящено раскрытию содержания книги Абу-л-Касема ал-Азафи о большой медицинской поэме, именуемой в научной литературе «Алфия» («Тысячная»), состоящей из тысячи бейтов. Четвертое приложение содержит извлечение из книги Ахмад ибн Али ат-Тасули «Фатва тиббия фикхия», т. е. «Фатва законодательной медицины» (с. 150—152).

Сирийский ученый Тайсир Шейх ал-Ард, издававший такие крупные труды, как «Ибн Сина» (1962 г.), «Введение в философию Ибн Сины» (1967 г.), здесь участвует со статьей «Понятие науки у Ибн Сины» (с. 160—178). Он исследует вопросы логики, математики, теологии в произведениях Ибн Сины, его понятие науки.

Главный редактор журнала «Наследие арабов», участник Международного симпозиума по Беруни (Ташкент, 1973 г.), видный ученый, общественный деятель, большой друг Советского Союза, проф. Абдулкарим ал-Яфи выступил со статьей «Поэма о душе» Ибн Сины и противоречие ей» (с. 179—192).

Сирийский поэт Фарид Укайл посвятил Ибн Сине большую поэму (с. 188—192).

Член-корр. Дамасской Академии Файсал Дабдуб опубликовал статью «Философия медицины от Гиппократ до Ибн Сины» (с. 204—211), написанную на основе изучения многочисленных источников.

В журнале помещены также статьи Мустафы Джавади — «Культура эпохи Ибн Сины» (с. 212—226), Сухейл Заккара — «Политическое положение эпохи Ибн Сины» (с. 227—251). Перепечатаны биография Ибн Сины, написанная им самим и его учеником Абу Убайд ал-Джузджани, воспринятая из книги средневекового ученого Ибн Аби Усайбна (1203—1270 гг.) «Уюн ал-анба фи табакат ал-атибба» — «Источники сведений о разрядах врачей» (с. 272—282), и переписка Беруни с Ибн Синой (с. 283—343).

Весьма отрадно отметить, что в журнале выступили и двое советских ученых. Член-корр. АН УзССР, директор Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР М. М. Хайруллаев представил статью «К вопросу научной классификации на Ближнем и Среднем Востоке в средние века» (Фараби, Хорезми, Ибн Сина) — с. 193—203, а таджикский историк Н. Н. Нигматов выступил со статьей «Экономика эпохи Ибн Сины» (с. 252—262).

В 1981 г. в Дамаске вышел также сборник статей, посвященный памяти Ибн Сины. Он открывается статьей крупного сирийского ученого, проф. Шакира ал-Фаххама (с. 9—37), где подробно освещаются жизнь и заслуги Ибн Сины перед человечеством, основные труды этого выдающегося энциклопедиста.

В сборник включен ряд статей из упомянутого журнала.

Таким образом, сирийские ученые и общественность Дамаска воздали должное великому средневековому ученому-мыслителю, энциклопедисту Абу Али ибн Сине, подробно освещив его многогранную деятельность и значение его бессмертного наследия.

Б. А. Ирисов

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ О РОЛИ ЛЕНИНСКОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СТРАН ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА (Дореволюционный период)

Вся многогранная деятельность В. И. Ленина была неразрывно связана с борьбой народов зарубежного Востока за свое освобождение и возрождение.

В. И. Ленин стал основоположником нового, марксистского направления в изучении истории стран зарубежного Востока. В работах, докладах, выступлениях и письмах Владимира Ильича уделено немалое внимание истории народов этого региона. Ленинский анализ охватил такие кардинальные вопросы, как национально-колониальная проблема, национально-освободительное движение угнетенных империализмом народов, их пробуждение и закономерности перехода народов Востока от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Для марксистско-ленинского востоковедения глубокие теоретические выводы В. И. Ленина стали идейной и методологической основой в изучении и освещении истории зарубежного Востока.

Труды В. И. Ленина, касающиеся истории национально-освободительного движения в странах зарубежного Востока, видный советский историк Г. Ф. Ким условно разделил на 4 периода: а) период до русской революции 1905 г., когда характерной формой борьбы азиатских народов были, по выражению В. И. Ленина, «старые китайские бунты»¹; б) период, определенный В. И. Лениным как «пробуждение Азии»², когда под воздействием русской революции 1905 г. во главе демократического национально-освободительного движения встала национальная буржуазия Востока, не растратившая еще в отличие от современной ей буржуазии Запада революционных потенций; в) период мировой войны, когда империализм вел кровавую битву за передел колоний; г) период, начавшийся после победы Октябрьской революции, когда народы Востока становятся активными участниками мирового революционного процесса³.

В Полное собрание сочинений В. И. Ленина вошло более 140 ленинских документов по истории Азии и Африки. Многие ленинские произведения, касающиеся проблем мирового революционного процесса, внешней политики капиталистических и империалистических государств Запада, борьбы коммунистических и рабочих партий за равноправие всех наций, за дружбу с народами всего мира, также имеют отношение к истории и национально-освободительному движению угнетенных народов Востока.

Как известно, В. И. Ленин стал проявлять интерес к процессам, протекающим в странах зарубежного Востока, еще в середине 90-х годов XIX в. В таких работах, как: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве» (1894), «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» (1895), «Развитие капитализма в России» (1899), «Китайская война» (1900), «Уроки кризиса» (1901), «Национальный вопрос в нашей программе» (1905), «К русскому пролетариату» (1904), «Падение Порт-Артура» (1905) и ряде других, В. И. Ленин разоблачал колониальную политику западноевропейских держав и царизма. Он с возмущением писал, что «ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти...»

«Эту политику грабежа давно уже ведут... буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство...»⁴ «Капиталисты всей Европы протянули лапы к населенной сотнями миллионами части света, к Азии...»⁵ Колониальная политика, говорил В. И. Ленин, есть политика грабежа⁶.

Анализируя социально-экономическое положение стран Востока, В. И. Ленин пришел к выводу, что колониальная политика буржуазных правительств Европы имела одним из главных своих результатов сохранение средневекового застоя стран Азии и Африки. Вместе с тем В. И. Ленин обратил внимание и на другую важную сторону воздействия европейского капитализма, особенно отчетливо проявившегося

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 179.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 145, 146.

³ Губер А. А., Ким Г. Ф., Хейфец А. И. Новая история стран Азии и Африки. М., 1975, с. 516.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 379, 380.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 82.

⁶ Там же.

при переходе к империалистической его стадии, отметив, что экономическое различие между колониями и европейскими народами «состояло прежде всего в том, что колонии втягивались в обмен товаров, но еще не в капиталистическое производство». В. И. Ленин вскрыл сущность новых явлений, свойственных империалистической эпохе: «Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии»⁷.

Развитие капитализма, указывал В. И. Ленин, привело к важным социально-экономическим сдвигам, и формированию новых классов — пролетариата и буржуазии, ускорило процесс складывания наций в странах Востока.

Борьба против колонизаторов впервые в истории этих стран приобретала характер буржуазно-национального движения. В ряде стран Азии сложились объективные предпосылки буржуазных революций.

История полностью подтвердила положения основоположников научного коммунизма — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Известно, что К. Маркс еще в 1853 г. в статье «Британское владычество в Индии» писал: «Вопрос заключается в том, что может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальных условиях Азии»⁸.

Как бы продолжая эту мысль, В. И. Ленин в работе «Что делать?», написанной почти полвека спустя (1902), подчеркнул, что история поставила перед рабочим классом России задачу уничтожения главного оплота не только европейской, но и азиатской реакции⁹, а в работе «Падение Порт-Артура» он прямо указывал, что «прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе»¹⁰.

Ленинские работы, написанные после революции 1905—1907 гг., включают статьи, специально посвященные важнейшим историческим событиям на Востоке, в частности революциям в Персии, Турции, Китае, подъему революционного движения в Индии и Индонезии. Анализ этих процессов привел В. И. Ленина к выводу: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию... Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы знаменуют открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории»¹¹.

Именно в этот период В. И. Ленин создает такие произведения, как «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905), «О смещении политики с педагогикой» (1905), «Борьба за свободу и борьба за власть» (1906), «К вопросу об общенациональной революции» (1907), «Горячий материал в мировой политике» (1908), «События на Балканах и в Персии» (1908), «Л. Н. Толстой и его эпоха» (1911), «VI Пражская Всероссийская конференция РСДРП» (1912), «Избирательная платформа РСДРП» (1912), «Демократия и народничество в Китае» (1912), «Обновленный Китай» (1912), «Исторические судьбы учения К. Маркса» (1913), «Крупный успех Китайской республики» (1913), «Культурные европейцы и дикие азиаты» (1913), «Борьба партий в Китае» (1913), «Пробуждение Азии» (1913), «Отсталая Европа и передовая Азия» (1913), «Тезисы по национальному вопросу» (1913), «Русские и негры» (1913) и ряд других.

На основе глубокого анализа событий начала XX в. в Китае, Иране, Турции, Индии, Индонезии и некоторых других странах Востока В. И. Ленин раскрывает процесс пробуждения Азии в широком плане, как с точки зрения судеб народов Востока, так и в плане перспектив мирового революционного освободительного движения.

Исследуя причины созревания и развития в ту историческую эпоху в ряде стран колониального Востока сознательного демократического движения, объективных предпосылок буржуазных революций и складывания революционной ситуации, В. И. Ленин указывал, что с первой русской революцией 1905 г. Запад вступает в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований, а в Азии открылся новый источник величайших мировых бурь. «За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская. Мы живем теперь как раз в эпоху этих бурь и их «обратного отражения» на Европе... никакие силы в мире не восстаноят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах»¹².

При этом В. И. Ленин указывал на тесное сочетание внутренних и внешних факторов указанных процессов. Он подчеркивал, что «пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок... от русской революции...»¹³ Началась ломка устоев старого общества, «а новое только укладывалось, причем общественные силы, эту укладку творящие, впервые показали себя на деле, в широком общенациональном масштабе, в массовидном, открытом действии на самых различ-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 35.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. О колониальной системе капитализма. М., 1959, с. 28.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 28.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 152.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 146.

¹² Там же, с. 2—3.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 221.

ных поприщах лишь в 1905 году. А за событиями 1905 года в России последовали аналогичные события в целом ряде государств... Востока»¹⁴. «Это значит, — писал В. И. Ленин, — что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что новые сотни... миллионов людей примут открытое участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад...»¹⁵ И еще: «Четыреста миллионов отсталых азиатов добились свободы, проснулись к политической жизни. Четвертая часть населения земного шара перешла, так сказать, от спячки к свету, движению, борьбе»¹⁶.

В ленинских трудах много внимания уделяется оценке характера и основной движущей силы революций, происходивших на Востоке в начале XX в.

В. И. Ленин подчеркивал, что революционные события в странах Азии представляют собой различные формы революционно-демократической борьбы и сознательного демократического движения. «В Азии, — писал он, — везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там еще идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе сотни миллионов людей. Какой восторг вызывает это мировое движение в сердцах всех сознательных рабочих, знающих, что путь к коллективизму лежит через демократию! каким сочувствием к молодой Азии проникнуты все честные демократы»¹⁷.

Подчеркивая буржуазный, антифеодалный характер иранской, турецкой и китайской революций, В. И. Ленин вместе с тем отмечал их антиимпериалистическую направленность. «Горючего материала за последнее время накопилось достаточно, и он все растет. Революция в Персии грозит перемахнуть все перегородки — «сферы влияния», расставленные там европейскими державами. Конституционное движение в Турции угрожает вырвать эту вотчину из лап европейских капиталистических хищников; а дальше угрожающе встали старинные, обострившиеся теперь «вопросы» — македонский, среднеазиатский, дальневосточный и т. д. и т. п.»¹⁸

В. И. Ленин отмечал, что азиатские революции начала XX в. произошли в колониях (Индия, Индонезия, Вьетнам и т. п.) и полуколониях (Китай, Иран, Турция и т. п.) и были направлены против средневековья¹⁹. Он рассматривал революции в полуколонияльных странах как составную часть общего освободительного процесса, охватившего весь колониальный мир.

Основной движущей силой буржуазно-демократических и национально-освободительных революционных движений начала XX в. в колониях и зависимых странах В. И. Ленин считал крестьянские массы. В крестьянской демократии он видел основной источник революционных потенций. «Главный представитель или главная социальная опора этой, способной еще на исторически прогрессивное дело азиатской буржуазии — крестьянин»²⁰.

Центральное место в ленинском анализе истории азиатских революций начала XX в. занимает вопрос о роли народных масс, о степени их активности, способности оказать влияние на ход и результаты революции. В. И. Ленин был глубоко убежден, что революция в странах Востока может победить лишь как общенациональная в том смысле, что для ее победы необходимо сознательное участие в борьбе громадного большинства населения.

«Это громадное большинство, — говорил В. И. Ленин, — либо должно... состояться из одного класса, либо из разных классов, имеющих некоторые одинаковые задачи»²¹. И далее: «Всякий действительный прогресс революции есть вовлечение в движение более широких масс, — следовательно, большая сознательность классовых интересов, — следовательно, большая определенность политических, партийных группировок и более точная обрисовка классовых физиономии разных партий, — следовательно, все большая замена общих, абстрактных, неясных и смутных в своей абстрактности политических и экономических требований конкретными, точно определенными различными требованиями различных классов»²².

Исследуя широкое участие народных масс стран Востока в революционно-демократическом и национально-освободительном движении, В. И. Ленин обратил внимание и на роль политических партий в этих революциях, их связь с массами. Он указывал, что руководителем азиатских революций начала XX в. была либеральная буржуазия и в революциях полуколонияльных стран Востока (Китай, Иран, Турция) руководящую роль играли буржуазные партии. Например, младотурецкую революцию 1908 г. возглавила буржуазная партия «единение и прогресс». В иранской революции 1905—1911 гг. руководящая роль сохранялась в руках либерального буржуазно-помещичьего лагеря, а в китайской революции 1911 г. — «национальной» партии, т. е. революционной буржуазной демократии во главе с Сунь Ятсеном.

«Китайская демократия, — писал В. И. Ленин, — не могла свергнуть старого порядка в Китае и завоевать республику без громадного духовного и революционного подъема масс. Такой подъем предполагает и порождает самое искреннее со-

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 102—103.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 402.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 189.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 167.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 186.

¹⁹ Там же, с. 179.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 402.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 276.

²² Там же, с. 277.

чувствие к положению трудящихся масс, самую горячую ненависть к их угнетателям и эксплуататорам»²³. Далее В. И. Ленин указывает, что главная опора «национальной» партии — широкая крестьянская масса. «Национальная» партия — «преимущественно партия более промышленного, более передового, более развитого юга Китая»²⁴.

При анализе соотношения классовых сил в первых азиатских революциях В. И. Ленин уделял много внимания выяснению роли рабочего класса. Из 1 млрд. населения колоний и зависимых стран, писал он в 1916 г., «свыше 700 млн. (Китай, Индия, Персия, Египет) принадлежит к странам, где рабочие есть»²⁵.

В. И. Ленин придавал принципиально важное значение первым шагам рабочего движения Бомбея 1908 г. (Индия)²⁶, пролетарской борьбе «в империи оттоманов» (Турция)²⁷, крупной политической стачке шанхайского пролетариата в период революции 1911 г. в Китае²⁸, активному участию городского населения Ирана в революции 1905—1911 гг. Он называл эти выступления сознательной, политической борьбой пролетариата Востока.

Именно анализ социального характера и политического значения революционной борьбы рабочих Востока приводит В. И. Ленина к мысли о тесной взаимосвязи двух потоков международного освободительного и революционного движения — борьбы рабочего класса капиталистических стран за социализм и национально-освободительного движения угнетенных народов колоний и зависимых стран. «У европейской сознательной рабочей массы, — писал В. И. Ленин в 1908 г., — уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»²⁹. А в статье «Отсталая Европа и передовая Азия» (1913 г.) Владимир Ильич подчеркивал, что «вся молодая Азия, то есть сотни миллионов трудящихся в Азии, имеют надежного союзника в лице пролетариата всех цивилизованных стран. Никакая сила в мире не сможет удержать его победы, которая освободит и народы Европы и народы Азии»³⁰.

Характеризуя революционизирующее влияние политических стачек рабочих стран Востока на усиление и углубление движения крестьянских масс, В. И. Ленин указывал: «Надо воспитывать весь класс наемных рабочих к роли борцов за освобождение всего человечества от всякого угнетения»³¹.

Наряду с анализом внутренних факторов, определявших развитие азиатских революций, В. И. Ленин уделял много внимания рассмотрению разбойничьей колониальной политики империалистических государств Запада и царизма³², их контрреволюционной интервенции против ведущих революционную борьбу народов Азии³³. Вместе с тем он указывал на прогрессивное влияние революционных и демократических сил России на трудящихся Востока, а также на защиту со стороны Российской социал-демократической рабочей партии революционной борьбы народов Востока³⁴.

В. И. Ленин вскрыл классовую природу и экономическую основу враждебности всех империалистических держав азиатской демократии. Так, он писал: «Либеральные английские буржуа, раздраженные ростом рабочего движения у себя дома, ... все откровеннее, все резче показывают, какими зверями становятся самые цивилизованные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы масс... против капиталистической колониальной системы, т. е. системы порабощения, грабежа и насилия»³⁵.

В. И. Ленин указывал, что контрреволюционная интервенция европейских держав и царской России была направлена против пролетариата, против всей демократии Востока, на прямое подавление революции в Азии. Царизм, писал он, «интригами, деньгами и самым зверским насилием стремится подавить всякое движение к свободе в Турции, Персии, Китае»³⁶.

Однако уже в дореволюционный период В. И. Ленин был твердо уверен в том, что никакие реакционные силы не смогут остановить развитие революционного движения на Востоке³⁷. Это стало еще более очевидным после победы Великого Октября, когда у всех угнетенных народов мира появился могучий союзник и друг в лице первого в мире социалистического государства, Страны Советов.

Таким образом, в трудах В. И. Ленина мы находим богатейший теоретический материал по новой истории стран зарубежного Востока. Ленинские указания дают

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 403.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 190.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 117.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 179.

²⁷ Там же, с. 223.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 406.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 179.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 167.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 357.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 154—155.

³³ Там же, с. 125, 126.

³⁴ Там же, с. 154—155.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 174—177.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 177.

³⁷ Там же.

нам верный компас в понимании сути тех важнейших процессов, которые происходили в этом обширнейшем регионе мира в конце XIX — начале XX в. Опора на эти методологические положения служит надежной основополагающей базой для глубокого и всестороннего изучения истории народов зарубежного Востока в эпоху империализма, правильного освещения ее в нашей востоковедной литературе и в процессе преподавания курса истории стран Азии и Африки в вузах.

О. Э. Эшкватов

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О ХИВИНСКОЙ КАЗИЙСКОЙ КНИГЕ ИЗ ФОНДОВ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДИЕНИЯ АН УзССР

В фондах Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР хранится казийская книга, которая содержит подробную систематическую запись сделок, совершенных в канцелярии казия Хивинского ханства в конце XIX в.¹ Казийские книги более раннего периода пока не обнаружены. Известны рукописи отдельных документов, сборников документов и формулярников, составленных местными авторами в Бухаре, Хорезме и Самарканде в XII в. как подношения государям, литературные и исторические памятники и образцы составления казийских документов². Рукописи подобного типа широко практиковались и в последующие века вплоть до начала XX в.³ Некоторые из этих сборников являются извлечениями из казийских книг.

В. В. Бартольд, упоминая о казийской книге XVII в. в Крымском ханстве, писал: «В Крыму судебные решения записывались кази-аскером в установленной форме год за годом в свои сакки (книги)... Такие же книги для записи судебных решений, представляющие большой культурно-исторический интерес, велись в среднеазиатских ханствах»⁴. Хотя Бартольд не приводит конкретных примеров, однако можно понять, что он видел казийские книги среднеазиатских ханств. На практику составления казийских книг указывают также тексты некоторых документов, как, например, вакфной грамоты Ходжи Ахрара XV в., где учредитель, говоря о периодическом возобновлении вакфной грамоты, указывает, чтобы каждый раз ее содержание вписывалось в казийскую книгу⁵.

Анализируемая нами рукопись — одна из таких книг позднего периода. В ней нет данных, указывающих, с какой целью и кем велась книга. Очевидно, ее составление связано с древней традицией канцелярского делопроизводства в странах мусульманского Востока, о чем уже говорилось выше. В книге записаны тексты различного типа документов: купчих, закладных, об организации деловых товариществ, об аренде, о долговых обязательствах, о сдаче денежного капитала в оборот, долговых расписок, завещаний, дарственных, о разделе наследства, о назначении доверенных лиц и опекунов, о предъявлении иска, об обращении имущества в вакф, о разводе, о поручительстве, о составлении брачных договоров и т. д.

Рукопись написана насталиком на русской фабричной белой бумаге, на 404 л., переплетена в серый картонный переплет. На полях против каждого документа проставлена нумерация цифрами и словами (арабской графикой). На л. 1—4, где находятся записи 48 документов, относящихся к 1893—1894 гг., нумерация отсутствует; на л. 5—12, где содержатся записи 61 документа за 1896—1897 гг., нумерация начинается с 1334 и заканчивается 1394 номером. Л. 13—404 содержат подробную, каждодневную запись сделок, совершенных в период с 1 мухаррама по 16 шавваля 1315 г. х. (2 июня 1897 г. — 9 марта 1898 г.). Документы начинаются с № 27 и заканчиваются № 11177. В книгу случайно попали (по не известным нам причинам) записи документов, которые должны были быть в другой книге (лл. 1а—4б, 5а—13б). Кроме того, имеются пробелы, нет значительного количества листов. По нашим подсчетам, всего в казийской книге 5205 документов⁶.

¹ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9490.

² Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Подбор документов, перевод и примечания О. Д. Чехович. Ташкент, 1954, с. VI—VII; е е же. Обзор археографии Средней Азии. — Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение, М., 1980, с. 267.

³ Мажму'а-йи васайк, ркп. ИВ АН УзССР, № 1386 (о ней см. монографию: Васикалар тўплами. Форс-тожик тилидан таржима, кириш ва изоҳлар Б. Иброҳимов. Тошкент, 1962); Образцы казийской документации, ркп. ИВ АН УзССР, № 8586 (о ней см.: Вильданова А. Б. Образцы частных среднеазиатских актов XVI в. с наставлениями казиям. — Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение, с. 67—71); Васойик намуналари, ркп. ИВ АН УзССР, № 7799, и др.

⁴ Бартольд В. В. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. — Соч., т. VIII, М., 1973, с. 356.

⁵ Самаркандские документы XV—XVI вв. Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович, М., 1974, с. 45.

⁶ В сносках дается ссылка на две цифры — основная нумерация и порядковая (в скобках), проставленная нами простым карандашом.

Из нумерации документов видно, что казийские книги составлялись покалендарно, начиная с первого месяца каждого нового года. Документы записаны подряд смешанно, без выделения того или иного типа в разделы. Стиль и форма их шаблоны, все документы каждого типа составлены по твердо установленной форме. В начале каждого листа рукописи дается подробная дата (год, месяц, число и день недели по мусульманскому летосчислению), в последующих документах дата обозначается словом: в упомянутый год, в упомянутый день. После даты приводится полное имя с нисбой и дается описание внешности заявителя. Затем уже идет суть документа: если запродажная, то пишется: «продал путем окончательной продажи»; если закладная, — «продал путем дозволенной продажи»; долговая расписка — «я должен» и т. д.

В конце каждого листа рукописи приложена печать верховного казиза Аллахберди ахунда б. Мулла Баба (кроме указанных выше л. 5—12, где приложена половина печати казиза Аваз-Мухаммада раиса).

Географические рамки совершенных сделок очень обширны, они охватывают все вилайеты и местности Хивинского ханства: г. Хиву с его окрестностями, Ургенч, Гурлен, Хазарасп, Кунград, Ташауз, Ходжейли, Шахабад и др.

Надо сказать, что в последние годы заметно расширилось издание советскими учеными документальных источников по истории среднеазиатских ханств, особенно Бухарского. Значительно реже изучены и изданы документы по истории Хивинского ханства (большая часть — из государственного архива Хивы)⁷. Хивинские казийские документы сравнительно мало привлекались исследователями. Документы типа записанных в рассматриваемой нами книге были частично использованы в работах О. Шкапского, Ф. И. Рубинштейн и М. Ю. Юлдашева⁸. Документы данной хивинской казийской книги еще не вовлекались историками в научный оборот. Между тем эти документы представляют большой интерес. Они отражают некоторые аспекты социальной и экономической жизни Хивинского ханства конца XIX в.: процессы, происходившие в результате развития товарно-денежных отношений; тяжелое положение народных масс, разорение и закабаление неимущих слоев населения и роль в этом ростовщического капитала. Документы показывают, что во всех сделках купли-продажи, заклада, а также сделках, отражающих различные формы эксплуатации населения, в качестве эксплуатируемых выступали трудящиеся слои, а скупщиками земель, ростовщиками и хозяевами закабаленных людей — высшие слои хивинского общества во главе с самим ханом. В документах, например, фигурируют имена правившего тогда хана Мухаммад-Рахима II (1865—1910) и членов его семьи (шахзаде Асфандийар-туры, Ибадаллах-турк, Мухаммадйар-туры и др.); видных ханских сановников — Мухаммад-Мурада диванбеги, Мухаммад-Йусуфа йасаулбашин и др.

В подавляющем большинстве документов данной книги объекты совершаемых сделок были мелкими: земельные участки в пределах, например, от 1/8 до 2—3 табаров, дукан, худжра, двор или часть их, небольшие суммы денежных долгов и т. д.

Вкратце разберем наиболее характерные типы документов.

Бай'-и джаиз — документы дозволенной продажи, которые представляли собой своеобразный вид заклада⁹. Сделки подобного рода составляют в казийской книге наибольшую группу документов, что характерно для рассматриваемого периода Хивинского ханства.

Поскольку шариат запрещал ростовщичество, то в обход мусульманского законодательства закладные документы оформлялись следующим образом. Владелец недвижимой собственности (земли, торговых лавок и мастерских, дворов с приусадебными участками, худжр и т. д.) продавал условной, дозволенной продажей свое имущество кому-либо и затем брал проданный объект у «покупателя» в аренду с условием выплаты арендной платы в определенные сроки. Срок аренды не указывался. Срок платежа арендной платы в большинстве случаев устанавливался в один год, полгода или три месяца, редко в один месяц. Проданное таким путем недвижимое имущество являлось закладом. Кредит изображался как его цена, а запрещенный ростовщический процент — как арендная плата. Рост с кредита взимался в пределах 15—20%, но могли быть и отклонения¹⁰. Во многих закладных указывалось, что при возврате взятой у кредитора суммы «проданный», т. е. заложенный, объект возвращался владельцу. Размер кредита обычно был в несколько раз меньше цены закладываемой земли и другого имущества, в чем и был заинтересован

⁷ Материалы по истории каракалпаков. — Труды Института востоковедения АН СССР, т. VII, М.—Л., 1935; Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Л., 1940; Юлдашев М. И. Хива хонлигида феодал ер эгалиги ва давлат тўзилиши. Тошкент, 1959; Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы XIX века. Ташкент, 1966; Жалилов О. XIX—XX аср бошларидаги қорақалпоқлар тарихига оид муҳим ҳужжатлар. Тошкент, 1977, и др.

⁸ Шкапский О. Амударьинские очерки. Ташкент, 1900; Рубинштейн Ф. И. Несколько хивинских актов. Материалы к истории Хивы полуколонизального периода. — «Известия АН УзССР», 1951, № 2, с. 69—74; Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы...

⁹ Чехович О. Д. Задачи среднеазиатской дипломатии. — «Народы Азии и Африки», М., 1969, № 6, с. 82.

¹⁰ Ркп. ИВ АН УзССР, № 9490.

займодавец, ибо в случае перехода заложенного объекта в его руки, он приобретал недвижимую собственность за бесценок. Таким образом, земледелец фактически попадал в кабальное положение от займодателя и под угрозой лишения своей земли подвергался тяжелой эксплуатации, так как вынужден был постоянно отдавать значительную часть результатов своего труда ссудодателю.

Хатт-и мадийун — долговые расписки. Они составляют вторую по количеству группу документов в казийской книге. В них указывались имя должника, имя займодавца, сумма и срок возврата долга. Процент с займа был совершенно скрыт, он не оговорен в тексте и, очевидно, удерживался займодателем сразу или включался в сумму предоставленных займы денег. Размеры долгов были небольшими и колебались в среднем от 10 до 100, 125 тилла, но могли быть и более мелкими: 1—3 тилла и т. д. Крупные долги были редким исключением, как, например, займ в 1500 тилла, предоставленный хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II Мулла Худайкули и Мухаммадхану кассабу (мясник) сроком на 1 год¹¹.

Срок займа также был различным — от нескольких дней до одного года, чаще всего — 3, 4, 6 месяцев и 1 год, очень редко — более одного года. Во многих долговых расписках со сроком возврата долга через 6 месяцев и один год указывался размер долга в 11,5, 12,5, 55 тилла и т. д.; здесь в сумму займа явно включен процент.

Встречаются долговые расписки на зерно (пшеница, джугара), фрукты и др. Долги подобного рода, вероятно, связаны с нехваткой продовольственных запасов населения, брались они с расчетом возврата после осенних урожаев. Так, если зерно брали займы весной, то срок возврата указывался 4—5 месяцев, а если летом — то со сроком возврата в один, чаще два месяца, т. е. с получением нового урожая. Например, житель местности Сивган, некий Аваз-ходжа взял в долг в марте 1897 г. у Ходжанийаза 4 батмана зерна со сроком возврата через 4 месяца. Житель местности Сирчали, Худайберган взял в долг у некоего Шакир-бая 45 батманов пшеницы в июне того же года сроком на 2 месяца¹². Очень часто в конце долговых расписок указывалось, что оплата йасаула по вызову тяжущихся сторон в канцелярию казия должна производиться ответчиком, следовательно, служебные издержки ложились на должника.

Бай-и бат — документы купли-продажи. В сделках подобного рода подчеркивается факт нерасторжимой, окончательной продажи движимого и недвижимого имущества. Известно, что в казийских сделках купли-продажи большей частью указываются форма и категория продаваемой недвижимой собственности. В нашей книге весьма часто упоминаются документы о продаже вакфного недвижимого имущества, причем продажа земли, дуканов и худжр в медресе производилась открыто. Сравнительно редко говорится о продаже мулькового имущества, общего, неразделенного имущества — мушй, брошенного имущества — матрука и т. д. В большинстве документов форма собственности вообще не указана.

Документы показывают, что в распоряжении отдельных лиц могли находиться различные категории земли и другого имущества, что видно из сделки о продаже Джуманийазом и Батбеком 2 1/4 танаба земли, из которых 1 танаб был мульком, а остальная часть — вакфной¹³, или сделка о продаже неким Абдаллахом 4 танабов земли; 3 из них были вакфной землей, а 1 танаб — мульковой¹⁴.

Средняя стоимость одного танаба (посевной) земли, по данным официальных органов, в изучаемый период составляла 100 тилла¹⁵, хотя цена земли могла колебаться в зависимости от места расположения, формы владения и категории. Однако в казийской книге повсеместно встречаются резко контрастные цены на одну и ту же форму собственности из одной и той же местности. Так, летом 1897 г. в местности Астана было продано полтанаба вакфной земли за 66 тилла¹⁶, а 3 танаба вакфной земли — за 20 тилла¹⁷; в Шайхларе — 1,5 танаба вакфной земли за 12 тилла¹⁸ и около одного танаба также вакфной земли — за 250 тилла¹⁹; в местности Фариш было продано около 2 танабов земли за 250 тилла²⁰, а 3 танаба — за 30 тилла²¹. Большой частью цены проданных участков были весьма низкими: 10 танабов за 50 тилла, 5 танабов за 40 тилла, 6 танабов за 40 тилла и т. д.²² Вероятно, земледельцы, оказавшись в исключительно тяжелых условиях, вынуждены были отдавать свою землю за бесценок. Примечательно, что скупали эти земли представители ханской администрации и феодально-байские элементы.

¹¹ Там же, л. 195б, док. 2909 (2389).

¹² Там же, л. 85, док. 1364 (79).

¹³ Там же, л. 68а, док. 690 (758).

¹⁴ Там же, л. 180, док. 2659 (2095).

¹⁵ Там же, л. 282а, док. 4039 (3469).

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-125, оп. 2, д. 335, л. 1.

¹⁷ Ркп. ИВ АН УзССР, № 9490, л. 2476, док. 3605 (3037).

¹⁸ Там же, л. 10а, док. 1378 (93).

¹⁹ Там же, л. 84а, док. 890 (958).

²⁰ Там же, л. 276, док. 210 (277).

²¹ Там же, л. 125а, док. 1361 (1418).

²² Там же, л. 281б, док. 4033 (3467).

²³ Там же, л. 201б, док. 3014 (2470); л. 230а, док. 3366 (2810); л. 304а, док. 4414 (3739).

В книге имеются документы о продаже имущества (земли, дукана и др.) женщин, сирот, причем фактически за бесценок. Часты были продажи из-за долгов, особенно после смерти главы семьи. Много документов о продаже земли за мизерную цену родителями своим малолетним детям, что, вероятно, объясняется их стремлением оградить интересы детей и еще при жизни закрепить за ними землю и другое имущество.

Жестокую эксплуатацию населения отражает другой тип документов — долговые обязательства. В них указываются имя должника, кредитора, сумма займа, а также на каких условиях и на какой срок он выдается. Суммы денежных ссуд и продолжительность их отработок были самые различные. Например: 12 тилла со сроком отработки 1 год²⁴, 60 тилла с отработкой 7 лет²⁵, 26 тилла с отработкой 6 лет²⁶, 170 тилла с отработкой 16 лет²⁷, 50 тилла с отработкой 20 лет²⁸ и т. д.

В некоторых долговых обязательствах указывается, что должник обязан обрабатывать принадлежащую кредитору землю в качестве чайрикера (который в Хивинском ханстве обозначался термином яримчи), причем срок отработки не устанавливался, т. е. пожизненно. Пример: некий Кутлук-Мурад взял займы у Муллы Хусейна в августе 1897 г. 33 тилла и взамен обязался обрабатывать 5 танабов земли кредитора в местности Актепа, без указания срока²⁹. В других документах говорится, что должник обязан работать в какой-либо мастерской или торговой лавке. Так, некий Аваз-Нийаз в июле 1897 г. взял займы у Худайберган-бая 12 тилла, обязавшись работать в лавке по выпечке и продаже лепешек, находящейся в Кийате (срок также не указан)³⁰. В подобных случаях работник мог уйти от хозяина, только вернув взятый долг, что практически было невозможно, а следовательно, он попадал в долговую кабалу на всю жизнь.

В большинстве сделок не указывается и вид работы, который обязан был выполнять должник, т. е. его могли эксплуатировать и на полевых работах, и в домашнем хозяйстве и т. д.

Как видно из документов, нередко одно и то же лицо, вероятно в силу экономических затруднений, вынуждено было идти на заключение одновременно нескольких видов сделок с ростовщиком или феодалом: продать за бесценок землю, заложить имущество и взять в долг, а в результате оно попадало в полную кабалу к ростовщику. Если ему и представлялась возможность выкупить заложенную землю, то платить за нее приходилось намного дороже установленной при закладке цены. Так, некий Пахлаван-бек, одновременно заложил 3 участка земли; в роли заемщика под залог выступил Мухаммад-Пахлаван-бек, которому было заложено: 1,5 танаба земли за 50 тилла, 1 танаб — за 20 тилла и 1 танаб — подставному лицу этого же кредитора, некоему Ибрагиму — за 20 тилла; последнюю заложенную землю владелец выкупил уже за 70 тилла³¹.

Документы мазарабе скрепляли соглашения о создании деловых товариществ, в которых одна сторона вкладывала капитал, а другая — свой труд. Применялась эта сделка в основном в сфере торговли. Объектом ее были деньги и рогатый скот. Так, в сентябре 1897 г. Мулла Мухаммад-Йакуб из местности Багча получил 1000 тилла у Аллахбергана и заключил с ним договор с условием раздела прибыли от указанной суммы пополам³². В другом случае объектом сделки выступают два быка и одна корова стоимостью 19 тилла, также с условием раздела прибыли пополам³³. Доли прибыли в сделках мазарабе в разную эпоху и в разных странах были неодинаковы. В Бухаре в XVI в. две трети ее принадлежали владельцу капитала, а одна треть — предпринимателю или торговцу³⁴. В рассматриваемой нами казийской книге имеются документы, в которых о доле доходов участников сделки говорится в неопределенной форме (сказано, что прибыль должна делиться по справедливости)³⁵. Не отмечено, каким видом деятельности конкретно должен заняться сотоварищ. Обычно деньги пускались в торговый оборот, а животные — на продажу. Но тот факт, что в документах указывается стоимость животных, позволяет предположить, что они могли сдаваться и в наем в целях использования их как тягловой силы.

Хатт-и ибро (отказы от претензий) отражают различные споры: из-за земли, раздела имущества, трудовой конфликт работника с хозяином, разные аспекты быта, в частности положение женщины в браке, вопрос о калыме и т. д. Скажем, в одном из документов житель местности Сафча, некий Уда-Нийза сделал заявление, что он не имеет никаких претензий к Абдаллаху, Хусейну и Бабаджану относительно 2 танабов земли, находящихся в этой же местности, и, соответственно, упоминаемые 3 лица сделали заявление, что они не имеют претензий к Уда-Нийазу относительно

²⁴ Там же, л. 18а, док. 94 (177).

²⁵ Там же, л. 195, док. 2909 (2392).

²⁶ Там же, л. 204а, док. 3052 (2505).

²⁷ Там же, л. 217а, док. 3211 (2674).

²⁸ Там же, л. 233а, док. 3418 (2849).

²⁹ Там же, л. 197а, док. 2947 (2415).

³⁰ Там же, л. 148б, док. 1645 (1710).

³¹ Там же, л. 282а, док. 4041—4044 (3470—3472).

³² Там же, л. 267б, док. 3852 (3281).

³³ Там же, л. 76, док. 1355 (70).

³⁴ Вильданова А. Б. Образцы..., с. 70.

³⁵ Ркп. ИВ АН УзССР, № 9490, л. 89а, док. 1376 (91).

6 танабов земли, расположенной в той же местности³⁶. В результате судебного разбирательства конфликта из-за 55 танабов земли, находящейся в Кяте, между ответчиком Мухаммад-Каримом и истицей Аташ-бикой решением казия последняя лишилась своей земли³⁷. Встречаются документы, когда за определенную денежную сумму стороны взаимно отказывались от претензий друг к другу. Нередко рассматривались семейные, бытовые отношения. Так, Курбан-Нийазом и его дочерью Атаджан-бикой из местности Иланли было сделано заявление, что они отказываются от своих претензий к Рахманберди относительно 55 тилла, данных ему с целью мирного решения с ним брачного развода³⁸.

Вакфнаме. Из наших документов видно, что в вакф, помимо земельных участков, чаще обращался денежный капитал — 5, 10, 20, 60 тилла и более³⁹.

В документах прямо оговаривалось, чтобы обращенные в вакф денежные суммы сдавались в аренду (т. е. в рост под залог движимого и недвижимого имущества, в торговлю и другие операции, приносящие доход). Иногда указывалось, чтобы на обращенные в вакф суммы покупались земельные участки и сдавались в аренду. Мутаваллиями вакфов большей частью назначались имамы мечетей, реже сами учредители. По условиям вакфа, доходы с него тратились, помимо определенной доли мутаваллия, на бытовые нужды (покупка дров, свечей, паласов и т. д.) объекта, в пользу которого учрежден вакф, на оплату тцецов Корана, поминки.

Хатт-и иджара (арендные документы), касавшиеся принадлежавших государству, религиозным учреждениям и частным лицам земель, дуканов, денег и т. д. Встречаются сделки краткосрочной аренды (несколько лет) и долгосрочной (в пределах 70—90 лет). По нашим документам, больше преобладала натуральная форма арендной платы. Нередко в условия арендной платы входили налоги и повинности. Бывали случаи, когда из-за неуплаты налогов и арендной платы арендуемый объект возвращался владельцу.

Как видим, документы казийской книги имеют важное значение для углубленного изучения многих сторон социальной и экономической жизни Хивинского ханства, быта его населения, а также для исследования эволюции среднеазиатской дипломатики.

А. Шайхова

³⁶ Там же, л. 666, док. 673—674 (741—742).

³⁷ Там же, л. 1116, док. 1245 (1303).

³⁸ Там же, л. 296, док. 233 (300).

³⁹ Там же, л. 132а, док. 1450 (1505); л. 223а, док. 3295 (2745); л. 506, док. 479 (545); л. 816, док. 860 (927).

НОВЫЕ КНИГИ

ГРЯЗНОВ М. П. АРЖАН. ЦАРСКИЙ КУРГАН РАНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

(Л., «Наука», Ленинградское отделение, 1980, 64 с.)

Небольшое по объему, но весьма содержательное исследование заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора ист. наук М. П. Грязнова посвящено публикации и исторической интерпретации замечательного памятника — древнейшего царского погребения раннескифского времени в Туве — кургана Аржан.

Изложенные в книге археологические материалы, хотя и далеки территориально от Средней Азии, но проливают новый свет на значительную группу археологических памятников, расположенных, в частности, и на территории Узбекистана. Поновому встает вопрос о хронологии многих наших памятников, в первую очередь — ранних саков Приаралья, Тасмолинской культуры в Казахстане, семиреченских, тьянь-шаньских и памирских курганов и других находок раннескифского типа.

В связи с этим представляется в несколько ином виде и проблема сложения культуры ранних саков.

Начало скифской культуры Евразии общепринято определять VII в. до н. э., а VII—VI вв. до н. э. называть раннескифским временем. Такое представление прочно утвердилось как в зарубежной, так и в отечественной науке. Памятники VIII—VII вв. до н. э. на нашем европейском юге обычно называют киммерийскими или предскифскими и в понятие скифской культуры не включают. Соответственно археологи Сибири, Казахстана и Средней Азии, опираясь на восточноевропейские параллели, все свои памятники ранних кочевников архаического типа датировали до сих пор не ранее VII в. до н. э. Так создавались представления о приаральских саках VII—V вв. до н. э.¹, о Тасмолинской культуре в Казахстане² и майэмирском этапе на Алтае VII—VI вв. до н. э.³

¹ Вишневская А. О. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (По материалам Уйгарак). — Труды ХАЭЭ, вып. VIII, М., 1973.

² Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры. — В кн.: Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата, 1966.

³ Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. — КСИИМК, вып. XVIII, 1947.

Исследование М. П. Грязнова вносит существенные уточнения и исправления в изучение проблемы становления раннескифской культуры степей Евразии.

Как и в других своих работах, М. П. Грязнов дает сначала подробное описание вскрытого раскопками сложнейшего могильного сооружения, а затем реконструкцию его первоначального вида. Реконструируются не только форма, размеры и устройство огромного, совершенно уникального каменно-деревянного сооружения, составленного из 70 радиально расположенных срубов, окруженных затем каменной стеной — крепидой и заложённых сверху камнем. Реконструируются также примитивная техника строительных работ, их организация и даже возможное число работников.

Так же детально и систематично рассмотрены в книге останки захоронений в срубах, что позволяет автору убедительно восстановить яркую и красочную картину похорон царя (племенного вождя) ранних кочевников Тувы. Интересно и исследование многочисленных «каменных колец» вокруг кургана. По крайние фрагментарно сохранившимся остаткам восстановлена картина похоронных тризн. Тысячи людей, соплеменников и иноземцев, заклали около 300 лошадей, сварили их мясо и пировали, а затем над местом пиришества оставили шкуры съеденных животных.

Путем кропотливого анализа инвентаря могилы царя с царицей, 15 погребенных с ними «вельмож» и 13 могил с массовыми захоронениями верховых коней автор воссоздает в удивительной полноте погребальный обряд кочевников Тувы VIII в. до н. э.

Аржан — древнейший курган из числа царских захоронений скифо-сибирского мира, но в нем, видимо, отражены традиции еще более древних эпох.

На основе глубокого изучения материалов из кургана Аржан М. П. Грязнов раскрывает особенности хозяйства, быта и нравов ранних кочевников Тувы, их социального строя и даже структуру племен (7 племен по 30 и 15 родов в каждом).

Конечно, положения, высказанные М. П. Грязновым, требуют дальнейших исследований, но в целом они, несомненно, соответствуют реальной исторической действительности далекого прошлого.

Очень важен вопрос о датировке кургана. Ранее одни авторы датировали памятники этого времени VIII—VII вв. до н. э.⁴, другие — серединой VII в.⁵, третьи — не позднее VI в. до н. э.⁶

М. П. Грязнов аргументированно определил абсолютную дату памятника — VIII—VII вв. до н. э. и убедительно показал, что он характеризует особый, самый ранний, аржанский этап в развитии культуры ранних кочевников Тувы и имеет аналогии в памятниках так называемого предскифского или киммерийского времени.

Исследование Аржана послужило М. П. Грязнову твердой основой для коренного пересмотра некоторых важнейших вопросов происхождения и формирования культур скифо-сибирского типа. Оказывается, памятники устанавливаемой М. П. Грязновым начальной аржано-черногорской фазы развития скифо-сибирских культур имеются, кроме Тувы и степей Северного Причерноморья, также на Алтае, Верхней Оби, в Минусинских степях и Монголии. Когда книга была уже в печати, автор обнаружил, что серии давно известных памятников Средней Азии и Казахстана, считавшихся раннескифскими VII—VI вв. до н. э. (курганы, клады, случайные находки и петроглифы в Центральном и Восточном Казахстане и Приаралье, на Памире и в Семиречье), на самом деле должны быть датированы VIII—VII вв. до н. э. и принадлежат аржано-черногорской фазе.

На основе глубокого анализа 29 закрытых археологических комплексов кургана Аржан и широких сопоставлений их с синхронными памятниками степей Евразии автор приходит к целому ряду весьма существенных выводов. Первый из них сводится к тому, что в связи с переходом степных скотоводческих племен к кочевому скотоводству и кочевому образу жизни, который совершился в относительно короткий промежуток времени, на всем пространстве степей Евразии слагались во многом сходные культуры кочевников. Благодаря подвижности населения и развитию межплеменному обмену культурные приобретения отдельных племен быстро распространялись на далекие расстояния, иногда по всему поясу степей. Процесс сложения и развития культуры скифо-сибирских племен был единым, хотя и многообразным по всей области их расселения.

Второй важный вывод М. П. Грязнова касается времени возникновения и начала развития скифо-сибирских культур. Не VII в. до н. э., как это принято считать, а VIII, быть может даже несколько раньше. Вслед за А. А. Иссененом он предлагает, что так называемый «предскифский» или «киммерийский» период VIII—VII вв. до н. э. надо считать начальной порой скифской культуры. Раннескифскому периоду в Причерноморье, майэмирскому на Алтае, алдыбекскому в Туве и т. д. предшествуют свои местные варианты аржано-черногорской фазы развития. Культура скифо-сибирского типа повсюду слагается в начале VIII в. до н. э.

⁴ Иссенен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. — СА, XVIII, 1953, с. 109; Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Киммерийские погребения Высокой Могилы. — СА, 1974, № 1, с. 156—159.

⁵ Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры. — СА, 1977, № 2, с. 77—78.

⁶ Артамонов М. И. Сокровище саков, М., 1973, с. 84.

Для Средней Азии в связи с работой М. П. Грязнова мы должны пересмотреть датировку памятников не только скифского типа, но и эпохи поздней бронзы. VIII, а может быть и IX в. до н. э. должны быть исключены для них. Между тем многие авторы доводят эпоху поздней бронзы до VIII и даже VII в. до н. э., что, очевидно, должно быть теперь исключено.

Работы М. П. Грязнова убедительно свидетельствуют о том, что переход основной массы степных пастушеских племен к кочевому скотоводству в его первой форме (непрерывное кочевание ордой и жизнь в повозках)⁷ привел к резкому увеличению стад скота, небывалому до этого экономическому подъему, а одновременно и к переходу на более высокую ступень социального развития варварских племен, к последней фазе патриархального рода — военно-демократическому строю общества, к «героическому периоду» в истории степных племен. Все это породило и новый идеологический настрой общества, выразившийся в создании в изобразительном искусстве неповторимого художественного скифо-сибирского звериного стиля, а в устном народном творчестве — героического эпоса⁸.

Исследования М. П. Грязнова наглядно показывают, что нельзя ограничиваться изучением каких-то изолированных районов (скифы Причерноморья, ранние кочевники Тувы, Алтай или Казахстана), а надо рассматривать те или иные периоды или явления культуры (оружие, звериный стиль и т. д.) по всему ареалу скифо-сибирских культур; во всяком случае, частные региональные вопросы следует решать на общем широком историческом фоне.

А. А. Аскарлов

⁷ Грязнов М. П. Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. — КСИЭ, XXIV, 1955.

⁸ Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, с. 3—6.

ХРОНИКА

ОБЩИЕ ГОДИЧНЫЕ СОБРАНИЯ В АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

21 января 1981 г. состоялось совместное годовое собрание Отделения философских, экономических и юридических наук и Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР. Вступительным словом собрание открыл вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР Э. Ю. Юсупов, охарактеризовавший основные черты общественно-политической жизни страны и республики и задачи общественных наук в свете решений XXVI съезда КПСС и XX съезда Компартии Узбекистана.

С докладом об итогах научной и научно-организационной деятельности Отделения философских, экономических и юридических наук АН УзССР выступил вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР К. И. Лапкин. Он сообщил, в частности, что сотрудниками Отделения за 1981 г. опубликовано 111 работ общим объемом 322 изд. л.; принято участие в 33 научных форумах; среди населения прочитано 1740 лекций. По Отделению за год защищены 3 докторские и 17 кандидатских диссертаций. В аспирантуре обучалось 126 человек.

Отчетный доклад об итогах научной и научно-организационной деятельности по Отделению истории, языкознания и литературоведения АН УзССР за 1981 г. сделал академик-секретарь Отделения, акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедов. Он отметил, что весь предусмотренный планом и социалистическими обязательствами объем работы выполнен. За 1981 г. учеными Отделения опубликованы 57 монографий, 32 научно-популярные брошюры, свыше 440 статей общим объемом более 1200 изд. л. На ученых советах Отделения защищены 1 докторская и 12 кандидатских диссертаций. Наряду с этим оказана помощь вузам республики в подготовке 5 докторов и 14 кандидатов наук. В 1981 г. ученые Отделения приняли активное участие в работе 108 научных сессий и конференций. Ими прочитано среди населения 2635 лекций, сделано 244 выступления по радио и 127 — по телевидению.

В прениях по докладам выступили академики АН УзССР С. К. Зиядуллаев, Ш. Ш. Шаабдурахманов, члены-корр. АН УзССР Х. Т. Турсунов, М. К. Кошчанов, доктора наук А. Х. Хикматов, А. П. Қаюмов, К. Х. Ханазаров.

Участники собрания утвердили планы научно-исследовательских работ институтов обоих Отделений на 1982 г.

* * *

29 апреля 1982 г. состоялось годовое общее собрание Академии наук Узбекской ССР, обсудившее итоги научно-исследовательских работ за 1981 г. и задачи республиканской Академии в свете выступлений Л. И. Брежнева в Ташкенте. В работе собрания принял участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов, члены Бюро ЦК КПУз Л. И. Греков, А. У. Салимов, заместитель Председателя Совета Министров УзССР М. Т. Турсунов.

Участники собрания заслушали обстоятельный доклад Президента АН УзССР, акад. А. С. Садыкова. В обсуждении его приняли участие академики АН УзССР И. Х. Хамрабаев — директор Института геологии и геофизики АН УзССР, С. К. Ка-

малов — председатель КК ФАН УзССР, В. К. Кабулов — генеральный директор Узбекского научно-производственного объединения «Кибернетика», К. С. Ахмедов — ректор ТашПИ им. Беруни, У. А. Арипов — ректор ТашМИ, член-корр. АН УзССР Т. Д. Джураев — директор Института механики и сейсмостойкости сооружений, проф. Д. А. Мусаев — директор Института экспериментальной биологии растений АН УзССР, В. М. Кулыгин — директор опытного производства Института ядерной физики АН УзССР.

Докладчик и выступавшие подробно охарактеризовали достижения ученых АН УзССР в 1981 г. — первом году XI пятилетки. Особо отмечалась концентрация научных сил по разработке проблем, наиболее актуальных для народного хозяйства. Экономический эффект от использования научных достижений, внедренных только в первом году пятилетки, превысил 69 млн. руб. Каждый рубль, вложенный в науку, дал отдачу в 7 руб. 80 коп.

Ныне республиканская Академия наук участвует в выполнении 35 всесоюзных, 18 республиканских целевых комплексных программ и 8 региональных проблем. Они направлены на решение актуальных задач дальнейшего развития хлопководства и всего народнохозяйственного хлопкового комплекса, машиностроения, геологии, сейсмологии, использования солнечной энергии и водных ресурсов, реализации Продовольственной программы и т. д. Плодотворно работают и ученые-обществоведы.

Проводимые в АН УзССР исследования осуществляются в тесном контакте с коллективами НИИ и вузов, учеными Москвы, Ленинграда, братских союзных республик, а также стран социалистического содружества.

Много внимания было уделено очередным задачам коллективов АН УзССР. При этом, в частности, подчеркивалась необходимость повышения эффективности, практической отдачи научных исследований, дальнейшей концентрации их на разработке крупных целевых программ; совершенствования структуры и сети научных учреждений, координации их работы в республиканском, региональном и союзном масштабе; расширения и совершенствования практики заключения и выполнения хозяйственных договоров, быстрее внедрения результатов исследований в производство.

С большой речью на собрании выступил вице-президент АН СССР, акад. Ю. А. Овчинников, давший высокую оценку плодотворной деятельности научных учреждений АН УзССР и республики в целом. Он отметил, что главная задача советских ученых — всемерное повышение эффективности научных исследований, активное сосредоточение сил на разработке и внедрении фундаментальных исследований, прокладывающих дорогу для научно-технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства, а в условиях Узбекистана — прежде всего в отраслях народнохозяйственного хлопкового комплекса. Особо была подчеркнута необходимость широкого развития и совершенствования всех форм координации научной работы, улучшения организации исследований во всех областях науки, рационального использования тех крупных средств, которые выделяются на научные изыскания, в интересах всемерного повышения их эффективности и практической отдачи.

Затем кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов вручил дипломы и почетные знаки лауреатов Государственной премии СССР за 1981 г. в области науки и техники группе ученых Узбекистана. Вице-президент АН СССР Ю. А. Овчинников вручил коллективу Института экспериментальной биологии растений АН УзССР Красное Знамя АН СССР и ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений по итогам социалистического соревнования академических институтов страны.

На собрании был рассмотрен также организационный вопрос. Членом Президиума АН УзССР и академиком-секретарем Отделения философских, экономических и юридических наук АН УзССР избран член-корр. АН УзССР В. В. Ким.

Участники собрания выразили твердую решимость ученых республики всемерно содействовать претворению в жизнь исторических предначертаний XXVI съезда КПСС, указаний Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и достойно встретить славное 60-летие образования СССР новыми успехами в развитии всех отраслей науки, тесно связанных с грандиозными задачами строительства коммунизма в нашей стране.

*А. Касым-Ходжаев, Г. Покачалов,
Б. Кюпов*

«БАРТОЛЬДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 1982»

4—8 июня 1982 г. в Звенигороде, под Москвой, состоялись очередные (год шестой) «Бартольдovские чтения», действующие в системе Института востоковедения АН СССР.

Основу повестки дня чтений 1982 г. составила тематика по проблеме «Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма».

От имени ИВ АН СССР участников сессии приветствовал член-корр. АН СССР Г. Ф. Ким. С задачами чтений 1982 г. их ознакомил заведующий Отделом памятников письменности народов Востока ИВ АН СССР Г. Ф. Гирс. Была почтена вставанием память постоянной участницы «Бартольдovских чтений», ст. научного сотруд-

ника Отдела древней и средневековой истории Института истории АН УзССР О. Д. Чехович, скончавшейся 27 января 1982 г. в Ташкенте. С сообщением о ее жизни и деятельности выступил Б. В. Лунин.

Историческим, социальным и идеологическим корням раннего ислама были посвящены доклады А. Г. Лундина, С. М. Прозорова, В. В. Лебедева и И. М. Смелянской.

Обширная группа докладов и сообщений была посвящена, в соответствии с основной тематикой «Бартольдских чтений» 1982 г., изучению в самых различных аспектах роли и места духовенства в государствах средневекового Востока (Т. М. Айтберов, Г. Ю. Алиев, С. Б. Ашурбейли, З. М. Бунятов, Д. А. Гудиашвили, Е. А. Давидович, Л. Г. Даниелян, А. А. Кудрявцев, К. К. Куния, Ф. Дж. Мамедова, Е. М. Медведев, М. С. Мейер, Г. М. Мурзамагомедов, А. М. Мухтаров, А. В. Пайкова, В. З. Пирнев, М. Х. Сванидзе, А. А. Столяров, Н. Н. Туманович, А. Р. Шихсаидов, О. П. Шеглова, М. А. Усманов, О. А. Эфендиев и др.).

Оживленный обмен мнений вызвал доклад А. Н. Болдырева «Еще раз о Ходжа Ахраре». Отметив разноречивость существующих в литературе точек зрения о роли, характере и масштабах деятельности Ходжа Ахрара и ее социальной природе, докладчик констатировал, что бартольдская оценка этого вопроса была двойственной: с одной стороны, Бартольд видел в Ходжа Ахраре «защитника интересов народных масс», с другой, — «деревенского шейха», «варвара», злобствующего врага «высокой городской культуры эпохи Улутбека».

Позднее, вслед за П. П. Ивановым и особенно А. Ю. Якубовским, почти все исследователи видели в Ходжа Ахраре только крупнейшего феодала, яркого реакционера, жадного стяжателя и хищного эксплуататора. В зачитанных тезисах намечавшегося к прочтению доклада знатока вакфных документов и агнографии вопроса О. Д. Чехович («О социальной роли и политической деятельности Ходжи Ахрара») также делался вывод, что, «выдавая себя за защитника угнетенных, Ходжа Ахрар в действительности был пособником эксплуататоров: он помогал им в тех случаях, когда возмущение народа достигало опасной для феодалов степени» и когда «требовалось более действенное и тонкое орудие угнетения, предлагаемое суфизмом. Ходжа Ахрар по существу выполнял все ту же классовую функцию религии, но в более завуалированной форме».

А. Н. Болдырев, не считая этот вывод окончательным и исчерпывающим суть дела, в качестве постановки вопроса указал, что, по его мнению, в процессе исследования «деятельности Ходжа Ахрара и роли его личности произошли серьезные упущения как в источниковедческо-филологическом, так и в методологическом отношении». Мало или совсем не исследованы такие источники, как рукописные жития Ходжа Ахрара, его письма и сочинения («послания»), высказывания о нем его знаменитых современников (Джами и Навои), и «не сделано ни малейшей попытки воссоздать систему религиозно-философских, этических и социальных взглядов Ходжа Ахрара». Вне поля исследования остались также связанные с именем Ходжа Ахрара такие явления, как обуздание чигатайско-монгольского феодального разбоя, создание благоприятных условий для мирной жизни горожан и крестьян на большей части Мавераннахра, роль Ходжа Ахрара в организации народной обороны Самарканда в 1454 г. Нуждаются также в пересмотре и уточнении оценки идейных и социальных аспектов накшбандизма в свете положения Ф. Энгельса о трех ступенях (мистика, ересь, восстание) антифеодального сопротивления эпохи средних веков.

Большинство выступавших (ученые из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Ташкента, Баку, Махач-Калы, Казани и др.) отмечали новаторский характер доклада проф. Болдырева. Подчеркивалось, что дело вовсе не сводится к поискам «улучшенной», однозначной оценки Ходжа Ахрара как такового или к ненужной идеализации его личности. Объективное, с марксистско-ленинских позиций, изучение деятельности Ходжа Ахрара и его последователей должно помочь советским исследователям глубже и всестороннее уяснить, что привлекало к себе внимание и вызывало сочувствие тяжело угнетенных народных масс в идеологии и линии поведения дервишских шейхов, что создавало почву для широкого распространения в эпоху средних веков суфизма, шиизма и других религиозных течений, какова была их социальная подоплека и т. п.

Это весьма важно для правильного понимания исторических корней и особенностей некоторых явлений современной общественно-политической жизни народов Ближнего и Среднего Востока. Достаточно вспомнить о событиях в Иране, где в конкретных социально-экономических условиях (и в силу их локальной специфики) определенной части исламского духовенства суждено было с течением времени стать в центре острого недовольства масс и широкой оппозиции прогнившему шахскому режиму. В ходе развития оппозиционного движения в стране произошла подлинно народная, подлинно антиимпериалистическая революция. Вместе с тем дальнейший ход событий показал и теневые стороны, историческую ограниченность тенденции приспособления жизни и запросов населения страны конца XX в. к нормам и догмам ислама, корана и шариа.

К докладу А. Н. Болдырева примыкало сообщение О. А. Сухаревой «Потомки Ходжа Ахрара».

Время бытования крупных древнетюркских родоплеменных объединений («им-лерий») нашло свое освещение в докладе С. Г. Кляшторного «Социально-политиче-

ская роль великих религий в древнетюркском обществе». По его мнению, причины частичных успехов буддизма, манихейства и христианства были результатом не столько внутреннего развития древнетюркской общины, сколько отражением в ее жизни внешнеполитической ситуации. «Стремление к смене веры овладевало тюркскими и уйгурскими каганами в периоды наивысшей территориальной экспансии или военной активности их государств, после подчинения или в борьбе за подчинение обширных районов Средней Азии и Восточного Туркестана с многочисленным оседлым населением». Так, буддизм и манихейство представлялись теми универсальными религиями, которые могли помочь созданию некоей общности в очень разнородных по своему составу державах.

Привлекло также внимание сообщение Д. Д. Васильева «По поводу одной гипотезы В. В. Бартольда (Почему в письменных памятниках тюрков домусульманского периода не упоминается духовенство)». Бартольд видел причину этого в упадке авторитета шаманов в кочевых империях в период обострения борьбы за верховную власть и в воинственности степных кочевников, привыкших полагаться на силу оружия. Эта гипотеза Бартольда, по мнению Д. Д. Васильева, «может быть несколько откорректирована» в свете данных о параллелизме пантеона и родо-племенной структуры государства. Идеологическая деятельность была прерогативой правителя (кагана, бега), по определению Бартольда, — «первосвященников». В этих условиях необходимость в посреднике (жреце, шамане), очевидно, отсутствовала, а функции колдунов (ядачи) сводились лишь к симпатической магии, т. е. к элементу лечения, и их роль и авторитет были крайне незначительными в сравнении с «сверхъестественной» ролью правителей.

Как всегда, активным было участие в «Бартольдовских чтениях» представителей Узбекистана, всех республик Средней Азии. Ими были сделаны доклады и сообщения: «Духовенство сефевидского Ирана в «Дастур ал-мулук» Мухаммада Авсари» (А. Б. Вильданова), «Мир-и Араб и политическая жизнь в Бухаре XVI в.» (Г. А. Джураева), «Источники дохода духовенства в Средней Азии XIV—XIX вв.» (А. А. Егани), «Финансовые мероприятия Махмуда-мирзы и последователи Ходжа Ахрара» (Б. Казаков, Х. Тураев), «Нумизматические материалы для характеристики взаимоотношений Караханидов и бухарских садров» (Б. Д. Кочнев), «Восточные фонды Центрального государственного архива Узбекской ССР» (К. З. Мухсинова), «Духовенство и вакфы в Средней Азии XVI в.» (Р. Г. Мукминова).

Т. К. Бейсембиев (Алма-Ата) в сообщении на тему «Духовенство в политической жизни Кокандского ханства в XVIII—XIX вв.» показал, что духовенство (так же как верхушечная часть ханства и военщина) оказывало ожесточенное сопротивление объективно прогрессивному процессу усиления связей и последующего присоединения Кокандского ханства к России. И для истории ханства остается справедливой оценка В. В. Бартольдом мусульманской теократической идеи как «идеала, не имеющего ничего общего с действительной жизнью» или как «орудия политических стремлений». В. Н. Настич ознакомил участников чтений с новыми находками из документального комплекса XVI—XIX вв. в Казахстане.

История Средней Азии нашла свое отражение и в сообщении Б. Х. Кармышевой «О мусульманском духовенстве в сельских районах Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в.».

В ходе чтений состоялись также заседания рабочей группы по проекту «Каталога документальных источников (арабской графики) в собраниях СССР» (Б. В. Лукин).

По традиционному разделу чтений «Новое о В. В. Бартольде» было сделано два доклада: «О предмете истории как науки в трудах В. В. Бартольда» (Т. М. Рамазанов) и «Василий Владимирович Бартольд в воспоминаниях современников».

Чтения были завершены их итоговым обзором (Е. А. Давидович) и информацией Оргкомитета, в которой содержалось сообщение о созыве следующих чтений (год седьмой) в 1984 г.

Б. В. Лукин

**УТВЕРЖДЕННЫЕ ТЕМЫ ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ
ПО ФИЛОСОФИИ И НАУЧНОМУ КОММУНИЗМУ**

Докторские диссертации

1. Акмурадов К. (АН ТуркмССР) — Диалектика изменения социально-классовой структуры общества в период строительства социализма и коммунизма.
2. Зухуров К. З. (СамКИ) — Проблема соотношения категорий материи и реальности в научном познании.
3. Мамадов А. (Ленинабадский ГПИ, ТаджССР) — Консолидация социалистических национальных культур в условиях развитого социализма.
4. Турсунов К. М. (Кокандский ГПИ) — Противоречия некапиталистического пути развития общества по пути к социализму (Краткий философско-социологический анализ).
5. Фаязов М. Ф. (ТашПИ) — Закономерности формирования коммунистической нравственности средствами массовой информации и пропаганды.

Кандидатские диссертации

1. Абдуманнапов А. (ТашГУ) — Диалектика целостности общественной жизни и системный подход.
2. Абдухаликов С. (ТашПИ) — Советское законодательство о религиозных культах в системе атеистического воспитания трудящихся.
3. Акилова М. (Ленинабадский ГПИ) — Возрастание социальной активности женской интеллигенции Таджикистана в условиях развитого социализма.
4. Акопян И. Г. (ТашГУ) — Системность и структура научного знания.
5. Ахмаджанов Б. (ТашПИ) — Критика фальсификации положения религии и религиозных организаций в Советском Узбекистане.
6. Бабаханов Б. Ю. (СГПИ) — Возрастание интернационального характера национальных культур в условиях развитого социализма (На примере художественной культуры узбекского народа).
7. Бердыев И. (Чарджоуский ГПИ) — Формирование учительской интеллигенции в Туркмении и ее роль в осуществлении культурной революции.
8. Бердиев Н. (Термезский ГПИ) — Из истории идейной борьбы за утверждение принципов марксистско-ленинской эстетики в искусстве Узбекистана периода строительства социализма.
9. Вахидова Д. Х. (ТашГУ) — Принцип самодвижения в научном познании.
10. Гречкин В. Н. (РИРЯиЛ) — Формы обобщения в философском и специальном научном знании.
11. Джураев Б. (ИФП АН УзССР) — Сближение рабочего класса и колхозного крестьянства по образованию и культурно-техническому уровню — важный путь движения к бесклассовой структуре общества.
12. Захарина Н. Г. (ТИТЛП) — Рост культурно-технического уровня и его влияние на социальную активность рабочего класса в условиях развитого социализма.
13. Ильхамов А. А. (ТашГУ) — Рациональное использование свободного времени как фактор развития социалистического образа жизни.
14. Каримов Б. Р. (ИФП АН УзССР) — Единство диалектики, логики и теории познания (В аспекте восхождения от абстрактного к конкретному).
15. Каримова С. М. (Ферганский ГПИ) — Интернационализация художественной культуры и ее влияние на формирование личности.
16. Каххаров М. (Кокандский ГПИ) — Сближение рабочего класса и колхозного крестьянства по характеру труда — важное условие движения к бесклассовой структуре общества.
17. Мадиримов Р. М. (СамГПИ) — Взаимосвязь эстетической и нравственной культуры и их роль в формировании всесторонне развитой личности.
18. Маматкулов Ю. (Джизакский ГПИ) — Категория корреляции как общенаучная категория.
19. Маматов С. (ТашГУ) — Диалектика единичного и всеобщего в социальном познании.
20. Мусаев Ф. З. (РИРЯиЛ) — Принцип причинности в социальном познании.

21. **Наимов Н. Н.** (Бухарский технологический институт) — Влияние научно-технического прогресса на развитие духовной культуры села в период зрелого социализма.
22. **Насретдинов Б. С.** (ТЭТИС) — Расширение сферы социальной ответственности личности в условиях развитого социализма.
23. **Платонов А. В.** (ТашГУ) — Гносеологическая функция категории условия.
24. **Пулатова Д. А.** (ИФП АН УзССР) — Возрастание общественно-политической активности женщин в период развитого социализма.
25. **Рахматова Н. Г.** (Министерство культуры УзССР) — Система культпросветучреждений и их роль в укреплении нравственных основ социалистического образа жизни.
26. **Садьков Р. К.** (ТашГУ) — НТР и качественное изменение содержания и структуры производительных сил.
27. **Саифназарова Ф.** (ТИНХ) — Категории изменчивости и устойчивости в научном познании.
28. **Сангинов С. А.** (ТЭТИС) — Проблема моделирования причинных связей.
29. **Туляганов Ш. Т.** (ТашГПИ) — Критика буржуазной фальсификации социального развития советского общества в условиях зрелого социализма.
30. **Тухтаров А.** (ФерГПИ) — Социальная форма движения в структуре научной картины мира.
31. **Умаров Б.** (ИФП АН УзССР) — Социальная типология сельской семьи в условиях развитого социализма.
32. **Уралов К.** (Джизакский ГПИ) — Общественное мнение и возрастание его роли в интернационализации образа жизни сельского населения.
33. **Фазылова М. К.** (БухГПИ) — Принцип редукции в научном познании.
34. **Халикулов Б.** (Янгйерский филиал ТИИИМСХ) — Особенности формирования политического сознания трудящихся масс при некапиталистическом пути развития.
35. **Ханходжаева Г.** (ТашГУ) — Развитие как направленное изменение.
36. **Хасанова Д.** (ИФП АН УзССР) — Повышение уровня общественного и производственного быта труженников села в условиях развитого социализма (На материалах УзССР).
37. **Хукумов А.** (ТИНХ) — Нравственные аспекты охраны окружающей среды.
38. **Шарабидинов И.** (ИФП АН УзССР) — Интернационализация образа жизни как фактор секуляризации советского общества.
39. **Шодиев А.** (ТашГУ) — Роль социалистического образа жизни в формировании всесторонне развитого человека.
40. **Эрматов А.** (ТашГПИ) — Возрастание роли творческой интеллигенции Узбекистана по идейно-политическому воспитанию советского человека.
41. **Яхъяев М. Г.** (ИФП АН УзССР) — Социологический анализ деятельности современных мусульманских объединений.

Утверждено Республиканским координационным Советом по философии и научному коммунизму.

МУНДАРИЖА

СССРнинг 60 йиллигига

Б. Е. Патон. СССР халқларининг қардошлик оиласида	3
У. Содяқов. Иттифоқдош республика компетенциясини конституцион тартибга солиш (ЎзССР материаллари асосида)	9
С. С. Комилова. Илмий проблеманинг шаклланишида фактнинг роли . . .	18
В. П. Алексеев, Т. Қ. Хўжаев. Ўзбек халқининг этногенези бўйича антропологик тадқиқотларни ташкил қилиш	23

Тошкентнинг 2000 йиллигига

Э. В. Ртвеладзе. Илк ўрта аср Чоч шаҳри тарихига оид нумизматик материаллар	31
---	----

Хоразмийнинг 1200 йиллигига

П. Г. Булгаков. Ибн Халдун ва Абу Комил Хоразмий ҳақида	40
---	----

Илмий ахборот

В. М. Радченко. Ижтимоий ишлаб чиқариш самарадорлигини аниқлашнинг баъзи методологик масалалари	42
Н. Тошхўжаева. Улуғ Ватан уруши йилларида Ўзбекистон колхозчиларининг жангчилар ояласи ва эвакуация қилинган болаларга ғамхўрлиги	44
Б. А. Ирисов. Сирия олимлари Ибн Сино мероси ҳақида	47

Олий мактаб ўқитувчиларига ёрдам

О. Э. Эшқувватов. Хоразмий Шарқ мамлакатлари тарихини ўрганишда ленинча назарий меросининг роли ҳақида (Революциягача бўлган давр)	49
--	----

Манбашунослик

А. Шайхова. ЎзССР ФА Шарқшунослик институти фондидаги Хива қозилари китоби ҳақида	53
---	----

Янги китоблар

А. А. Асқаров. <i>Грязнов М. П.</i> Аржан. Илк скиф даври шоҳ қўрғони	57
---	----

Хроника

А. Қосимхўжаев, Г. Покачалов, Б. Қвопов. ЎзССР Фанлар академиясининг йиллик умумий йиғилишлари	59
Б. В. Лунин. «Бартольд ўқишлари — 1982»	60
Философия ва илмий коммунизм бўйича докторлик ва кандидатлик диссертацияларининг тасдиқланган мавзулари	63

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-летию образования СССР

Б. Е. Патон. В братской семье народов СССР	3
У. Садыков. Конституционное регулирование компетенции союзной республики (На материалах УзССР)	9
С. С. Камилова. О роли факта в формировании научной проблемы	18
В. П. Алексеев, Т. К. Ходжайов. Организация антропологических исследований по изучению этногенеза узбекского народа	23

К 2000-летию Ташкента

Э. В. Ртвеладзе. Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача	31
---	----

К 1200-летию Хорезми

П. Г. Булгаков. Ибн Халдун и Абу Камиял о Хорезми	40
---	----

Научные сообщения

В. М. Радченко. Некоторые методологические вопросы определения эффективности общественного производства	42
Н. Ташходжаева. Забота колхозников Узбекистана о семьях фронтовиков и эвакуированных детей в годы Великой Отечественной войны	44
Б. А. Ирисов. Сирийские ученые о наследии Ибн Сины	47

В помощь преподавателям высшей школы

О. Э. Эшкуватов. О роли ленинского теоретического наследия в изучении истории стран зарубежного Востока (Дореволюционный период)	49
--	----

Источниковедение

А. Шайхова. О хивинской казийской книге из фондов Института востоковедения АН УзССР	53
---	----

Новые книги

А. А. Аскарлов. <i>Грязнов М. П.</i> Аржан. Царский курган раннескифского времени	57
---	----

Хроника

А. Касым-Ходжаев, Г. Покачалов, Б. Кнопов. Общие годовые собрания в Академии наук УзССР	59
Б. В. Лунии. «Бартольдские чтения — 1982»	60
Утвержденные темы докторских и кандидатских диссертаций по философии и научному коммунизму	63

НАШИ АВТОРЫ

- Патон Б. Е.**— академик, Президент Академии наук Украинской ССР.
- Алексеев В. П.**— член-корреспондент АН СССР, ст. научный сотрудник отдела антропологии Института этнографии АН СССР.
- Булгаков П. Г.**— член-корреспондент АН УзССР, зам. директора Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Аскарлов А. А.**— доктор исторических наук, зав. отделом эпохи бронзы и раннего железа Института археологии АН УзССР.
- Лунин Б. В.**— доктор исторических наук, зав. отделом историографии Института истории АН УзССР.
- Камилова С. С.**— кандидат философских наук, доцент кафедры диалектического и исторического материализма Ташкентского госпединститута им. Низами.
- Касым-Ходжаев А.**— кандидат филологических наук, ученый секретарь Отделения истории, языковедения и литературоведения АН УзССР.
- Ртвеладзе Э. В.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи Министерства культуры УзССР.
- Ташходжаева Н.**— кандидат исторических наук, мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Ходжайов Т. К.**— кандидат исторических наук, зав. отделом Свода памятников археологии Узбекистана Института археологии АН УзССР.
- Эшкуватов О. Э.**— кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Каршинского госпединститута им. Х. Алимджана.
- Кнопов Б.**— ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Покачалов Г.**— мл. научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Шайхова А.**— мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Ирисов Б. А.**— аспирант Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Радченко В. М.**— аспирант Института экономики АН УзССР.
- Садыков У.**— аспирант юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!
НАЧИНАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журнал
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ»
на 1983 г.

Подписка принимается всеми отделениями «Союзпечати» и связи, а также общественными распространителями печати.

Подписная цена на год — 7 р. 80 к.

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Л. И. Тюрина*

Сдано в набор 3. 08. 82. Подписано к печати 1. 09. 82. Р05741. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,95, Уч.-изд. л. 6,6. Тираж 1427. Заказ 164. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР, Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Цена 65 к.

Индекс
75349